

П. 851. А. К.

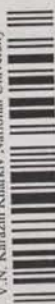
46668

Владимір Пруссакъ.

ДЕРЕВЯННЫЙ КРЕСТЪ.

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ.

V.N. Karazin Kharkiv National University



00712333

3

Ц. 1 р. 25 к.



И-851-9.к.

Владиміръ Пруссакъ.

ас

ДЕРЕВЯННЫЙ КРЕСТЬ.

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЦАХКОВА

БИБЛИОТЕКА

2348

31437

Мик.

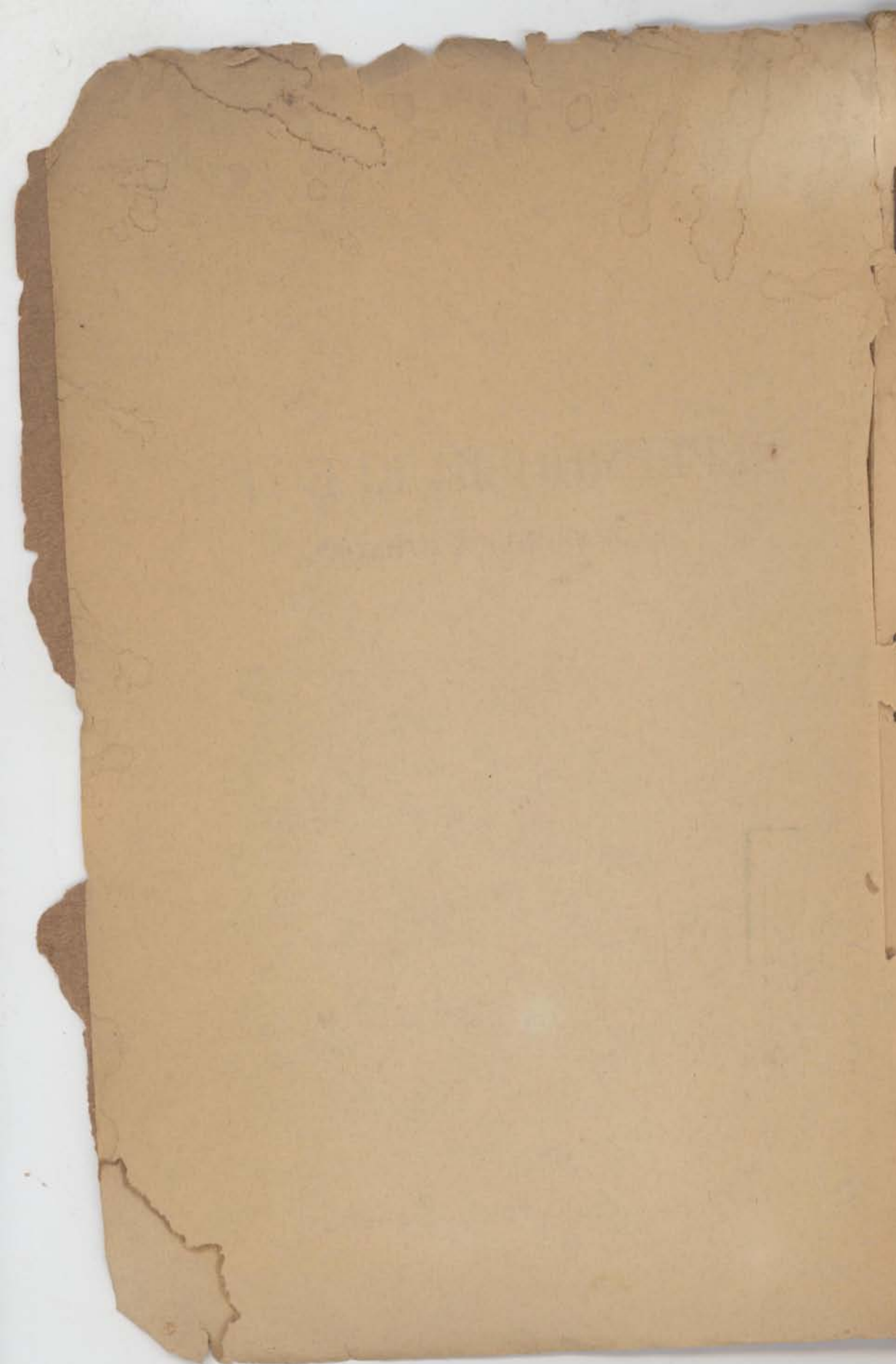
№ 46668
1934 р.

Иркутскъ. 1917 г.

Издание „Иркутскіе Вечера“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК 1917

58



Узкія Врата.

ВЕРИТЕ

I.

Сарматы смачивали стрѣлы
Въ крови клокочущей своей,
Чтобы, заклѣтая, вѣрнѣй
Разили вражеское тѣло.

Порывы творчества безцѣльны,
Искусствомъ пѣсню не зови,
Пока не смочена въ крови
Души, пораненной смертельно.

Я самъ, увѣреннымъ ударомъ,
Поранилъ крѣпнущую грудь,
И вотъ—запѣлъ и вышелъ въ путь
Навстрѣчу неотвратнымъ карамъ.

Подобье вѣрнаго стидета,
Сверкаетъ стихъ, какъ бы стальной..
Какою страшною цѣной
Я отыскалъ въ себѣ поэта!

11.

Ясность въ душѣ пустынной; холодно мнѣ и странно,
Стало вокругъ свѣтло.
Трудныя битвы были, были глухія раны,
Было—и все прошло.

Не за что мнѣ сражаться, некому мнѣ молиться,
Трудный свершенъ обѣтъ;
Холодно мнѣ и странно, пусто въ моей свѣтлицѣ,
Блѣдный мерцаетъ свѣтъ.

Радость поеть и плещеть, яснымъ ликуеть хоромъ,
Властенъ въ рукѣ рѣзецъ;
Многія вижу тайны, острымъ впиваясь взоромъ,
Пламенной лжи творецъ.

Отдалъ я жизнь Искусству; отдалъ—и сталъ свободнымъ,
Горныхъ достигъ вершинъ;
Людемъ бросая пламя, самъ остаюсь холоднымъ,
Тихо грущу одинъ.

III.

Если ты хочешь создать гармонично-звучащiе ритмы,
Новыя пѣсни найти;
Если ты хочешь людей увлекать полнопѣвною рѣчью,
Хочешь учить красотой,—

Быстробѣгущiе дни непрестанно, упорно работай,
Старыхъ пѣвцовъ изучай;
Каждую форму стиха терпѣливою мыслью изслѣдуй,
Трудныя строки чекань,

Чтобы таинственный часъ вдохновенья и смутныхъ порывовъ
Слабымъ тебя не засталъ,
Чтобы ты смѣло запѣлъ, выливая въ готовыя формы
Полныя силой слова.

IV.

М. ФЕЛЬДМАНУ.

Быть одному—страданье и отрада;
 Крѣпка моя надежная ограда;
 Среди любимыхъ неизмѣнныхъ книгъ
 Я отдыхаю, вѣрный ученикъ,—
 Со мной творцы, взыскующіе Града.

Въ унылыя недѣли листопада
 Такъ внятень въ небѣ журавлиный крикъ,
 Такъ хорошо, перелиставъ дневникъ,
 Быть одному.

Опавшій листь желтитъ аллеи сада,
 Едва трепещетъ тихая лампада
 И озаряетъ неподвижный ликъ
 И я одинъ. Какой блаженный мигъ!
 Поистинѣ, роскошная награда—
 Быть одному.

V.

Темнѣть. Тишина. Давно закрыты двери.
 Обычныя мечты свершаютъ точный кругъ.
 Я вижу кабинетъ пытливаго Сальери,
 Дерзнувшаго разъять, исчислить легкій звукъ,
 Направить, обуздать, усилить въ нужной мѣрѣ
 Порывы творческихъ неизреченныхъ мукъ.
 Разсчетомъ сжатые, взволнованно и гордо,
 Вздываются волной свободные аккорды.

Еще любимый ликъ. Упорный соглядатай
 Несознанныхъ чудесъ, творимыхъ на землѣ,
 Искавшій каждый день—вездѣ, въ печали брата,
 Въ улыбкѣ женскихъ устъ и предвечерней мглѣ
 Силетеній красочныхъ. Внимательный вожатый,
 Равно презрительный къ восторгу и хулѣ;
 Пророчества и страхъ и лепетъ беззаботный
 Да-Винчи вбрасывалъ въ безсмертныя полотна.

И если ты придешь—невѣдомый избранникъ,
Ваятель вѣщихъ словъ, свершитель и пророкъ,
Не жрецъ увѣнчанный, но истомленный странникъ,
Отверженный толпы, одинъ, спокойно строгъ,
Не вспышекъ и мечты,—труда покорный данникъ,
Ты въ пѣсняхъ изъяснишь значенье словъ и строкъ;
И нѣжность и тоску пылающаго слова
Разъявъ, разъединивъ, въ созвучьяхъ свяжешь снова.

VI.

Когда потухнетъ блѣдный мой ночникъ
И смерть, вздохнувъ, приникнетъ къ изголовью,
Въ мечтахъ послѣднихъ свѣтлый женскій ликъ
Не улыбнется нѣжною любовью;

Отецъ духовный,—ласковый старикъ
Не повторитъ докучныхъ суесловій.
Одинъ, одинъ. И буду въ грозный мигъ
Еще безстрастнѣе, еще суровѣй.

Тогда учителей предстанетъ клиръ,
Зовутъ къ себѣ, на сладостный Маиръ,
И внятны мнѣ призывы и укоры

Хранителей желаннаго огня;
И встрѣтятъ недостойнаго меня
Спокойные торжественные хоры.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

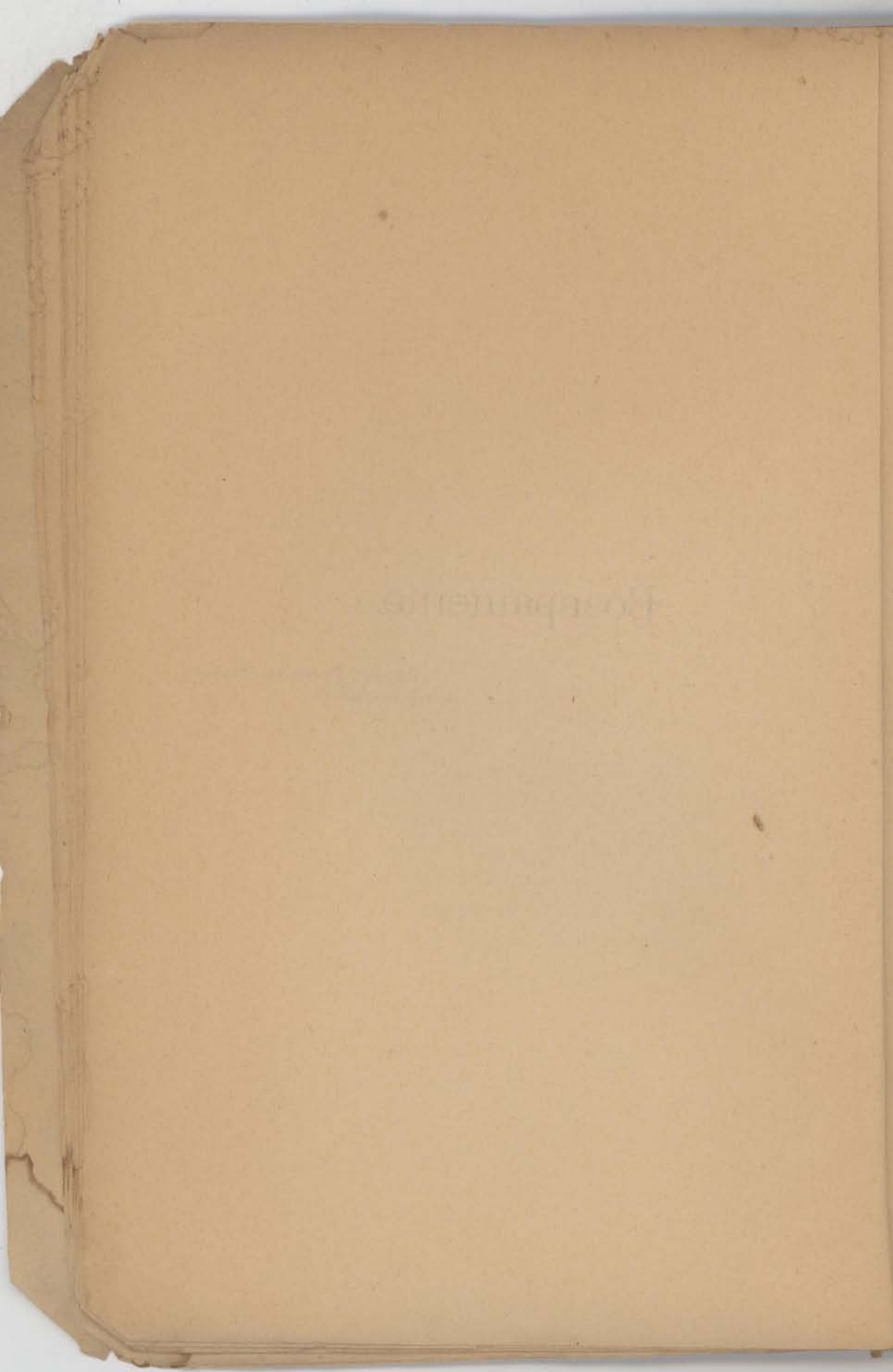
THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

Возвращеніе.

„Вѣрую, Господи, помоги
моему невѣрію“.



I.

Какъ хорошо, окончивъ пыльный путь,
 Легко сплетать созвучья пѣснопѣній
 И въ холодѣ спокойномъ отдохнуть,
 Вникая въ книги, вызывая тѣни
 Борцовъ давно минувшихъ поколѣній,
 И, равнодушно слыша долгій стонъ,
 Сказать себѣ: опять борьба и пени
 И кличи гнѣвные смѣнили сонъ
 И воздухъ надъ землею тревогой напоенъ.

Я былъ съ людьми, я былъ съ людьми когда-то,
 Меня взметнула сильная волна,
 Я заплатилъ неисчислимою платой
 За свой порывъ: душа опалена
 И возвратиться больше не вольна;
 Уходитъ день и день приходитъ новый,
 Но исцѣлить не можетъ тишина;
 Я издали слѣжу борьбу и зовы
 И ропоты рабовъ и тяжкіе оковы.

Когда бы хоть горчичное зерно
 Во мнѣ горячей вѣры уцѣлѣло!
 Но мнѣ свободнымъ быть не суждено,
 Поодаль я стою оцѣпенѣло
 И вдаль смотрю въ тревогѣ онѣмѣлой—
 Отверженнымъ зажегся свѣтлый день,
 Склоняется для жатвы колосья спѣлый
 И за ступенью пройдена ступень
 И шлетъ упреки мнѣ отверженная тѣнь.

II.

Твое терпѣнье—тягостный укоръ.
 Покоя нѣтъ и нѣтъ нигдѣ забвенья.
 Моя судьба—скитанья и позоръ,
 Я проклять былъ отверженною тѣнью,
 И вотъ—одинъ скитаюсь съ давнихъ поръ.

О, родина! Безрадостный просторъ
 И звонъ цѣпей и душный запахъ тлѣнья;
 Измѣннику—суровый приговоръ—
 Твое терпѣнье.

Я не могу поднять усталый взоръ,
 Повѣрить не могу въ освобожденье;
 Мнѣ кажется—оконченъ давній споръ,
 Грохочутъ нераскованные звенья,
 Въ тяжелой тѣмѣ горитъ одинъ костеръ—
 Твое терпѣнье.

III.

Въ огняхъ пророческихъ зарницъ молюсь.
Надъ множествомъ слѣпыхъ гробницъ молюсь.
Не вѣрую, невѣріемъ горю,
Но разрушителямъ темницъ молюсь.
Въ предчувствіи нѣмотствуютъ уста;
Страдальчески склоняясь ницъ, молюсь.
Въ сомнѣніи гляжу на страшный путь
И молча, въ скорби безъ границъ, молюсь.

IV.

На каменномъ полу лежу въ пыли,
Я исходилъ невѣдомыя страны,
Но не нашелъ своей родной земли,—
Дорогу скрыли бѣлые бураны.

О, Господи, молю Тебя, внемли,
Я вышелъ до зари, я вышелъ рано!
Пусть родина покажется вдали,
Цѣля улыбкой пламенные раны.

И мнѣ явилась въ дымномъ серебрѣ
Некрашенная церковь на бугрѣ,
Худыя избы, снѣгъ въ неровныхъ кучахъ,

Плетнями сжатый на рѣку проѣздъ
И надъ селомъ въ тяжелыхъ темныхъ тучахъ
Колѣблющійся Деревянный Крестъ.

V.

Гармоники завели плясовую,
 Полнымъ-полны балаганы.
 Плясовую, веселую такую,
 Пройду на подмосткахъ деревянныхъ.
 Шутовское, съ бубенцами, платье,
 На лицѣ румяна и бѣлила...

Господи, сними съ меня проклятье!
 Дольше лѣтъ не стало силы.

Господи, прости мои блужданья,
 Смертную тоску мою прости;
 Волю дай очиститься страданьемъ,
 Силу дай тяжелый крестъ нести.
 Родину люблю любовью трудной
 И, любя, стыжусь любви моей
 И влачу въ печали непробудной
 Длинный рядъ постыдно вялыхъ дней.
 Русь моя! Нелюбимыя нивы,
 Тишина, повсюду тишина,
 И судьбу пророчащій, тоскливый,
 Заунывный шопотъ колдуна.

Всю люблю тебя, земля родная,
Край терпѣнья, нищихъ и крестовъ;
Родина, любимая и злая,
За тебя погибнуть я готовъ.
Препоясанный, спокойный воинъ
Передъ битвой земно поклонюсь;
Пусть я буду, Господи, достоинъ
Умереть за Русь.

VI.

Мечтой плѣняясь невозможной,
 Я мыслилъ вѣру испытать,
 И мечъ упалъ по рукоятъ
 Въ давно бездѣйственныя ножны.

Ученыхъ слушалъ и волхвовъ,
 Но въ сумеркахъ лабораторій
 Я различалъ въ ненужномъ спорѣ
 Тоску вдвойнѣ ненужныхъ словъ.

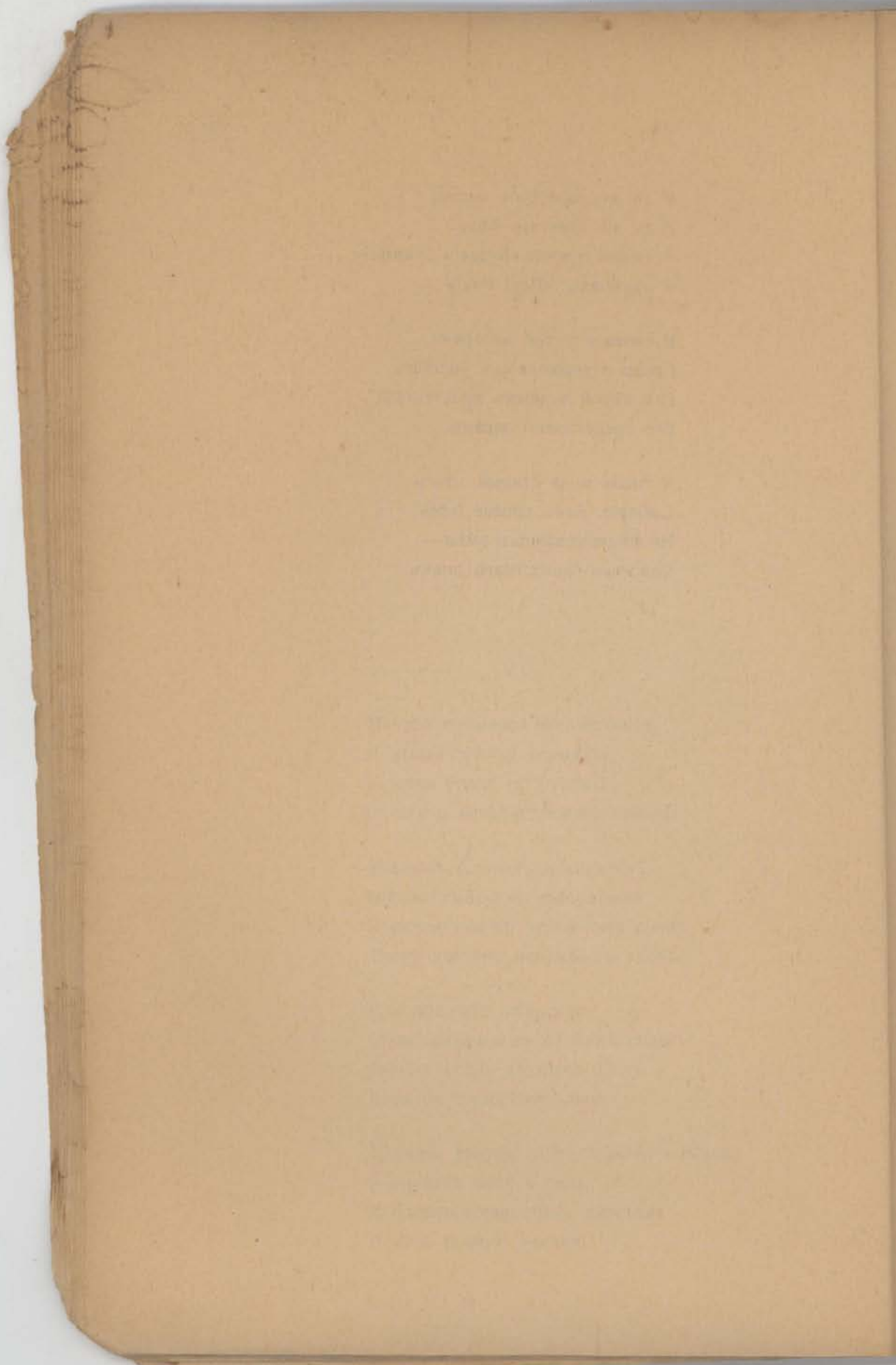
И я поднялся на высоты,
 Свои скитанья въ пѣсняхъ сплелъ;
 Цѣною жизни вѣрныхъ пчелъ
 Копятся сладостныя соты.

И тамъ, вверху, межъ лѣдяныхъ скалъ,
 Я увидалъ поля и села,
 И блескъ всевластнаго престола
 И Русь родную увидалъ.

И то же горестное знамя,
И ту же древнюю бѣду,
И слыша голосъ: «Будешь съ нами?»
Я отвѣчалъ: «Иду! Иду!»

И снова я у той же грани,
Среди отверженныхъ борцовъ,
Гдѣ вѣрой мудрыхъ простецовъ
Все преуказано заранѣ.

И снова я на старый стягъ
Смотрю, какъ древле Іудея
На мѣднокованнаго змѣя—
Спасенья благодного знакъ.



Ржданіе.

Введеніе

I.

Страна моя! Смиренная обитель,
Гдѣ звонъ цѣпей и грохоты веригъ,
Гдѣ каждый—жертва и безпечный зритель,
Гдѣ юноша—морщинистый старикъ,
Гдѣ навсегда задушено веселье,
Гдѣ смѣхъ—придавленный и злобный крикъ,
Гдѣ радость—безпросвѣтное похмелье,
Гдѣ всѣ—рабы, гдѣ каждый съ дѣтства пилъ
Отчаянья и гнѣва злое зелье
И ждалъ въ тоскѣ необычайныхъ силъ
И мѣры ждалъ страдальческимъ блужданьямъ,
И тщетно числилъ длинный рядъ могилъ,
Исполненныхъ великимъ ожиданьемъ.

II.

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

(Сонетъ).

Колючій вѣтеръ воемъ и свистками
Нарушилъ отдыхъ мнительной Невы
И волны, цвѣта грязной синевы,
Сердито машутъ бѣлыми платками.

Ложится пыль неровными кругами
На площади, гдѣ, чуждые молвы,
Хранятъ покой, завѣщанный вѣками,
Сѣдой солдатъ и бронзовые львы.

Встаютъ Екатерининскія тѣни,
Торжественно проходятъ въ Лѣтній садъ
И грустно смотреть вдаль, въ туманъ осенній,

Гдѣ врѣзались въ оранжевый закатъ
И загудѣли, мстительно и грубо,
Фабричныя чернѣющія трубы.

III.

Д Е Р Е В Н Я.

(Сонетъ).

Закрѣты ставни; скучно и темно;
 Текутъ часы посыллага досуга,
 И нищая назойливая вьюга
 Опять стучится въ низкое окно.

Печатью вѣковѣчнаго испуга
 Отецъ и сынъ отмѣчены равно;
 За годомъ годъ — и такъ давнымъ-давно
 Налоги да ярмо кормильца-плуга.

Носитель темный тяготы земной,
 Затепливъ свѣчку зимнему Николѣ,
 Грозитъ кому-то, злобный и хмельной,

И другу шепчетъ о «землѣ и волѣ»,
 Потомъ въ цѣляхъ, съ повинной головой,
 Идетъ въ толпѣ дорогой въ чистомъ полѣ.

IV.

Е В Р Е И.

(Сонетъ).

Скитаются разсѣянное племя
 Среди чужихъ безрадостныхъ равнинъ;
 За славою—позоръ приносить время
 И выю гнетъ вчерашній господинъ.

Сдержать отступниковъ, сложившихъ бремя,
 Не можетъ негодующій равнинъ;
 Презрѣннымъ гоямъ робко держить стремя
 Свободныхъ предковъ недостойный сынъ.

Пророки лгутъ. Не къ намъ придетъ Мессія.
 Въ пустынь нѣтъ спасительнаго змѣя.
 Караетъ Іегова изъ рода въ родъ.

Пришлецъ назойливый и гость незванный,
 Бездомный нищій—избранный народъ,
 Взыскующій земли обѣтованной!

V.

Ф И Н Л Я Н Д І Я.

(Сонетъ).

Спятъ сосны стройныя. Холодная луна
Бросаетъ мертвый лучъ на сумрачныя скалы;
Не дрогнетъ въ озерѣ свинцовая волна
И вереска цвѣты—коверъ лиловоалый.

Суоми, сѣвера суровая страна!
Пора богатырей еще не миновала.
Не спишь, но чутко ждешь. Твоя душа вѣрна
Свободнымъ и роднымъ напѣвамъ Калевалы.

И солнечный, счастливый яркій свѣтъ
Бойцамъ въ морозный день укажетъ лыжный слѣдъ
На сѣверъ, далеко, черезъ лѣса и доли.

Гдѣ злобой сильная, одѣтая въ гранитъ,
Въ предѣлахъ вражеской и гибельной Похьолы
Сѣдая Лоухи сокровище хранить.

VI.

ПОЛЬША.

(Сонетъ).

Въ старинномъ замкѣ—яркій блескъ свѣчей.
 Мотивъ мазурки, вѣжливо веселый,
 Поетъ о паннахъ, пышности рѣчей,
 О дняхъ войны, о мудрости престола.

Но конченъ сонъ. Удары палачей
 Крушатъ дворцы и строгіе костелы,
 Кричатъ въ тоскѣ измученныя села
 Въ тяжелой тѣмѣ спустившихся ночей.

О, гордость, сжатая въ тискахъ насилій,
 Свободою заплаченная дань,
 О, знамя вольности въ объятыхъ пыли!

Не сгибла Польша. Снова будетъ брань.
 Баторія на Вислѣ не забыли,
 И крѣпнетъ кличъ: «Воскресни и возстань!»

VII.

С И Б И Р Ъ.

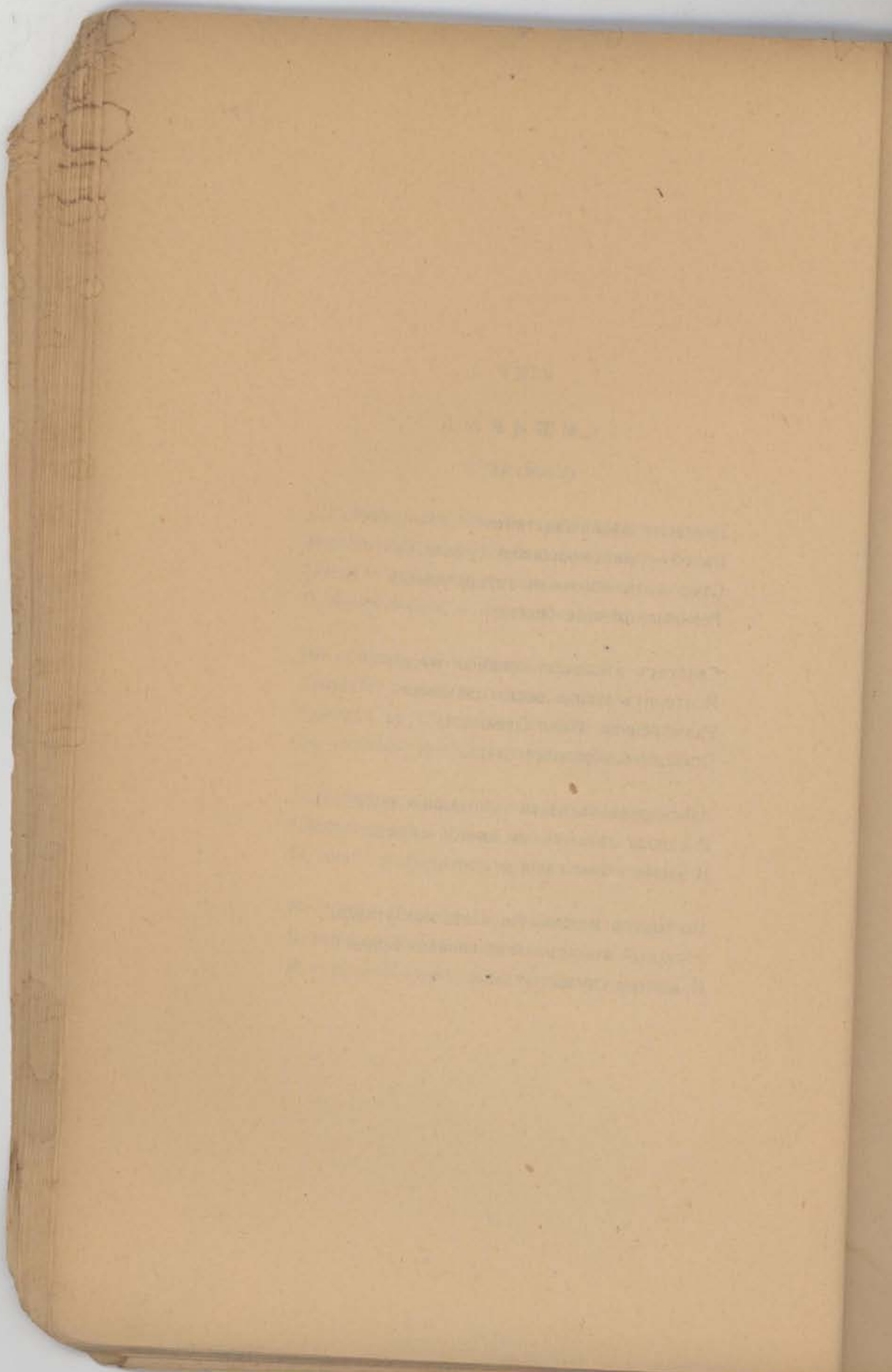
(Сонетъ).

Покоится зловѣщая тайга
 Въ объятіяхъ морознаго тумана.
 Сторожать золото въ глуши урмана
 Ревнивые рѣчные берега.

Свистить и скачетъ злобная пурга.
 И вторить крику дикаго шамана
 Размѣренная пѣсня Океана,
 Поющая безбрежные снѣга.

Здѣсь символъ чести—скованныя руки,
 И города зѣваютъ въ алчной сукѣ,
 И жизнь обвилось узкое кольцо,

Но вдругъ мелькнетъ, невѣдомо откуда,
 Раскосый взглядъ насмѣшливаго Будды
 И желтое скуластое лицо.



Деревянный Крестъ.

„Честъ имѣю донести Вашему Превосходительству:
снарядовъ не хватаетъ“.

Д. ДОБРЫНЬИНЪ КНОСТЪ

I.

Вѣтеръ осенній и пьяный
Сѣетъ въ равнинахъ дождемъ.
Вижу я Крестъ Деревянный,
Грузное тѣло на немъ.

Корчится въ приступахъ муки,
Воплемъ на помощь зоветъ;
Кроетъ широкія руки,
Каплями выступивъ, потъ.

Взора не смѣю поднять я,
Голосъ возвысить боюсь:
Тамъ, на высокомъ распятѣ:
Родина! Русь!

II.

Спѣшу уйти куда-нибудь,
Изнемогая слишкомъ рано;
Въ душѣ сочащаяся рана,
Въ нее такъ больно заглянуть.

Но не укрыться никуда,
Не отдохну и не забуду,
Что всюду кровь и стоны всюду
Несутъ безумные года.

И я тоски своей стыжусь,
А по ночамъ, въ лампадномъ свѣтѣ,
Молюсь, какъ маленькія дѣти,
Тебѣ, поруганная Русь.

Одно страданіе у всѣхъ,
И одиночество все то же,
Смягчить отчаянье не можетъ
Продажный пылъ, поддѣльный смѣхъ.

И будутъ новые кресты,
И разрушительныя бѣды,
И будетъ чаянье побѣды
Обманомъ призрачной мечты.

И, недостойны до конца,
Пройдемъ голгоѣскія ступени
До суесловныхъ пѣснопѣній,
Взамѣнь терноваго вѣнца.

III.

Грозный часъ. Великая бѣда.
 Будетъ слава. Будутъ кровь и стоны.
 Каждый день уходятъ поѣзда,
 Вьются лентой красные вагоны.
 Все, что было,—нынче прощено.
 Мы сильны, но силы мы утроимъ.
 Каждый—только малое звено,
 Съ грудью грудь—сомкнулись крѣпкимъ строемъ.
 — Эй, товарищъ! Родина—въ огнѣ!
 Подымай походныя знамена!
 Слышишь крикъ: «Сюда, сюда, ко мнѣ!»—
 Насъ зоветъ собрать иноплеменный.
 Смерть за Русь легка и не страшна.
 Многимъ смерть. Не только намъ однимъ.
 Всѣ напьемся браннаго вина,
 Побѣдимъ!

Нынче въ ночь уходятъ эшалоны.

На вокзалѣ смутная толпа.

Будетъ слава. Будутъ кровь и стоны

И къ могиламъ узкая тропа.

— «Мать, прощай!»—Заплакала сѣдая.

— «Твердымъ будь. Грядущее свѣтло».

И дрожить рука, благословляя

Юное, открытое чело.

— «Милый! Ясный! Ближе... Я цѣлую

И не кончить поцѣлуя вѣкъ».

Грянемъ пѣсню! Грянемъ удалую!

Въ битвахъ станетъ вольнымъ человекъ!

Поѣздъ тронулся. Стучать колеса. Тише.

Въ облака вползаетъ черный дымъ.

Кличъ несется, кличъ великій слышенъ:

— «Побѣдимъ!»

Карты бросаетъ гадалка

Налѣво—направо.

Сына далекаго жалко:

Смерть или слава?

Карты всю правду расскажутъ.

Направо—налѣво.

Ломятся полчища вражьи

Съ криками нѣва.

Брошены карты. Склоняется ниже.

Что я увижу?

— Свѣтлый витязь на конѣ

Скачетъ въ шлемѣ и бронѣ.

Смѣшаны карты. Опять и опять.

Направо—налѣво. Что тамъ видать?

— Мчится туча саранчи,

Въ битвѣ тупятся мечи.

Смѣшаны карты. Брошены вновь.

— Кровь.

Смѣшаны карты. Налѣво—направо, налѣво—направо...

— Господи, судъ неправый!

Подбираются къ нашей оградѣ,

Удары сыпятся сзади!

Брошены карты. Налѣво—направо, на право—налѣво,

Налѣво—направо...

— Силъ лукавой

Нѣтъ преграды, нѣтъ отпора,

Гибнуть наши. Скоро! Скоро!

Брошены карты. Вѣтеръ хлестнулъ въ окно.

Въ картахъ темно.

Рыдаетъ у скорбной иконы,

Считаетъ земные поклоны,

Рыдаетъ въ тяжелой кручинѣ,

Господа молить о сынѣ.

Бѣлыя бумажки шуршатъ, шуршатъ,

Тѣ, кто ушли, не придутъ назадъ!

Ночью въ кабинетѣ скрипѣлъ паркетъ.

Въ часъ неурочный зажегся свѣтъ.

Если быть въ отвѣтъ—не намъ однимъ.

Сказано. Рѣшенъе. Предадимъ.

Тѣ, кто ушли, не придутъ назадъ.

Бѣлыя бумажки шуршатъ, шуршатъ.

Въ одинъ ударъ сливаются раскаты,
 Дрожать отъ ярости чудовищныя жерла.
 Взивается земля. Кусками черной ваты
 Поднялся дымъ, и тьма покровъ простерла.
 Но тьму бичуютъ полосы огня.
 Чугунный ураганъ бушуетъ, не смолкая.
 Въ холодныхъ рвахъ безмолвно умирая,
 Припомни скудный свѣтъ родного дня.

Надвинулись темною тучей,
 Вспоминая въ молитвѣ Христа,
 Встрѣтимъ конецъ неминуцій,
 Троекратно цѣлуясь въ уста.
 Насъ, безоружныхъ и сирыхъ,
 Смертной тоской не томи,
 Сопричисли къ усопшимъ въ мирѣ,
 Въ Царство Твое пріими.

Мертвые срама не имуть,
 Въ честномъ бою полегли.
 Приняли черную схиму
 Ради родимой земли.
 Въ грохотъ рвущейся стали
 Лютую встрѣтивъ бѣду,
 Имя Твое прошептали
 Въ тяжкомъ предсмертномъ бѣду.
 Раны зіяютъ на тѣлѣ,
 Родины ради своей,
 Мы до конца претерпѣли
 Страду кровавыхъ полей.

Фыркають кони, ступая
 По распростертымъ тѣламъ...
 Скоро ли справишь, родная,
 Тризну своимъ сыновьямъ?
 Мчится стремительный птицы,
 Мчится проклятая вѣсть,
 Вспыхнули блѣдныя лица,
 Копится правая месть.

Денежки, денежки!
 Грошикъ—къ грошику,
 Рубликъ—къ рублику,
 Катеньки, катеньки,
 Бѣлыя бумажки!

Хлѣбецъ купимъ,
 Мясо купимъ.
 Сахаръ купимъ,
 Продадимъ.
 Сыты будемъ,
 Въ холѣ будемъ
 И на старость
 Приготовимъ
 Тѣплый уголъ.
 Сыну хватить,
 Внукамъ хватить,
 Всей семьѣ.

Хлѣбецъ купимъ,
 Мясо купимъ,
 Сахаръ купимъ,
 Продадимъ.

Денежки, денежки!

Грошикъ—къ грошику,

Рубликъ—къ рублику,

Катеньки, катеньки,

Бѣлая бумажки.

Эй,

Пей,

Веселѣи

Пляши,

Пой

На пропой

Души.

Эхъ, стоять неубраны поля,

Пропади, пропадомъ горькая земля,

Эхъ, солдатики калѣчные,

Все слѣпые да увѣчные,

Будемъ васъ съ почетомъ принимать,

За широкій столъ съ поклонами сажать,

Звать по имени да отчеству,

Изъ пустыхъ тарелокъ потчевать!

Поистратились хлѣба у насъ,

А святой Георгій новыхъ не припасъ.

Застыло поле въ лапахъ тишины,

Изсякъ грохочущій чугунный ливень.

Орудій брошенныхъ безпомощные бивни

Въ ночныя облака устремлены.

И слышится въ предутреннемъ туманѣ

Невнятное, глухое бормотанье—

— Воскреси насъ, Господи!

Но голосъ Господа не будить тишины
 И тѣла павшаго не поколеблетъ.
 Не дрогнуть крохотныхъ травинокъ стебли,
 Разсвѣта ожиданіемъ полны.

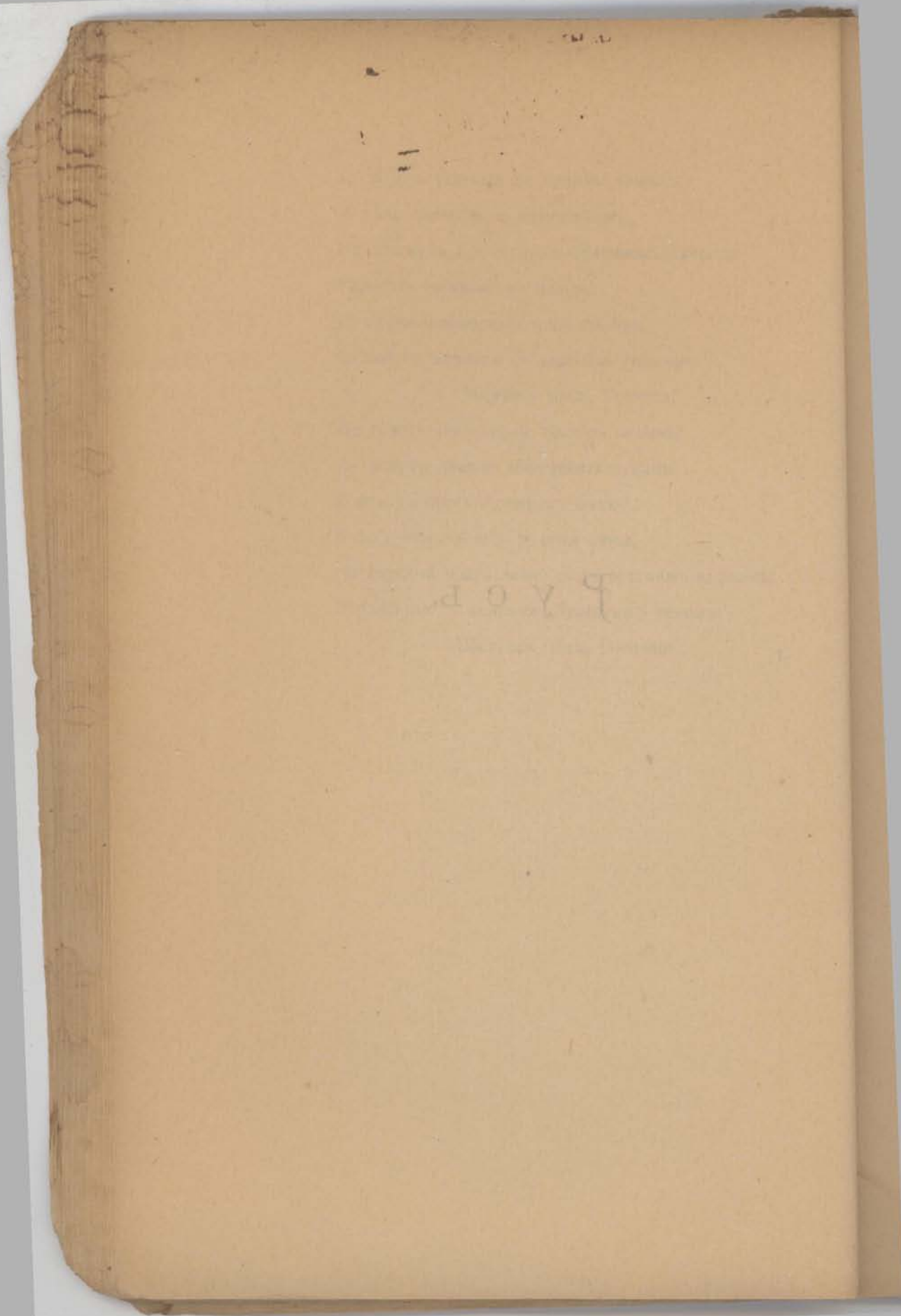
И, силясь приподняться на колѣни,
 Сливають мертвые съ угрозою моленье

— Воскреси насъ, Господи!

Но голосъ Господа не будить тишины!
 Не могутъ павшіе пошевелить руками
 И видять просвѣтленными очами:
 Безъ счета гибнуть родины сыны,
 Но сильный врагъ давно подъ русскимъ кровомъ...
 И раздирають сумракъ страшнымъ ревомъ,

— Воскреси насъ, Господи!

Русь.



I.

Ты вся—неизреченный свѣтъ,
Твои пути неизъяснимы;
Тоски—едва ли исцѣлимой—
Тебѣ сопутствуетъ обѣтъ.
Хранишь—сквозь бѣды трудныхъ лѣтъ—
Величье будущаго Рима
Ты вся—неизреченный свѣтъ,
Твои пути неизъяснимы.
Ни въ чемъ святѣе боли нѣтъ,
Какъ тронуть край неопалимой
Одежды облачнаго дыма
И сохранить багровый слѣдъ—
Ты вся—неизреченный свѣтъ.

11.

О, Русь! Раскинутая ширь
Молчить, какъ древняя могила,
И шепчетъ вѣтеръ свой псалтырь
Надъ умирающею милой.

На бѣлый камень Алатырь
Пойдешь ли ты хвалиться силой
Или схоронишься въ унылый
Уединенный монастырь?

Молчить — и сдерживаетъ стоны —
И знаетъ — въ битвѣ нерѣшенной
Давно ломаются мечи.

И умножаются гробницы
И бѣлымъ пламенемъ въ ночи
Горятъ тревожная зарницы.

III.

Въ часъ туманнаго заката непривѣтливаго дня
 На проселочной дорогѣ, завывая и звеня,
 Пьяный вѣтеръ носить листья, заплетаетъ въ хороводъ,
 Воетъ, кается и плачетъ, богохульствуетъ, зоветъ
 Что-то слѣлать, биться съ кѣмъ-то, не сгибаться подъ ярмомъ,
 И безсильно затихаетъ, вѣя пылью и дождемъ.

Въ часъ туманнаго заката въ полѣ пусто и свѣтло,
 Мелкій дождь скрываетъ небо, заститъ ближнее село.
 Пьяный вѣтеръ клонитъ вѣтви придорожныхъ чахлахъ ивъ,
 Ходитъ шаткою походкой вдоль осеннихъ черныхъ нивъ;
 Запѣваетъ, завываетъ, ослабѣвъ, понесся вскачь...
 На проселочной дорогѣ слышенъ тихій женскій плачъ.

«Сколько лѣтъ я изнываю, сколько лѣтъ покорно жду
 И несу, въ упрямой вѣрѣ, за бѣдою—вновь бѣду.
 Хорошу моихъ отважныхъ, обнажившихъ крѣпкій мечъ,
 Чтобъ меня для свѣтлой встрѣчи нерушимою сберечь.
 Я состарилась въ рыданьяхъ, мой вѣнокъ—кольцо сѣдинъ;
 Что же медлишь, мой любимый, мой желанный господинъ?»

Русь моя! Ужель въ лохмотьяхъ, у дороги, это ты?
 Русь, страдальца-невѣста, только боль растить цѣфты!
 Только тотъ взойдетъ свободнымъ на вершины снѣжныхъ горъ,
 Кто въ болотистыхъ низинахъ зналъ прилипчивый позоръ.
 Пьяный вѣтеръ тихо стонетъ, вѣтеръ тише, вѣтеръ стихъ..
 Близокъ, близокъ, скоро будетъ твой ликующій женихъ!

Сѣрый день прощально брезжить, безвозвратно уходя,
 Вся окуталась фатою—сѣрымъ пологомъ дождя.
 И въ надеждѣ безнадежной ожидая новый день,
 Смотритъ идалъ, поверхъ убогихъ, въ землю вросшихъ деревень.
 Шеачуть скорбныя молитвы поблѣднѣвшія уста...
 Невѣстная Невѣста непришедшаго Христа.

IV.

Вл. Бакрилову.

Бредеть старуха по проселкамъ
 Съ неизмѣняющей клюкой,
 Твердитъ молитвы тихомолкомъ,
 Крестясь дрожащею рукой.

Заклятьемъ отвращаетъ бѣды
 И свѣтитъ—сквозь всегдашній страхъ—
 Огонь пророческаго бреда
 Въ полупотухнувшихъ глазахъ.

Идетъ — и сковываетъ нивы
 И города тяжелый сонъ,
 Но путь старухи юродивой
 Уже исчисленъ и свершенъ.

Вотще твердитъ: «да будетъ чудо!
 Пускай молитвой исцѣлюсь!»
 Не ждать спасенья ниоткуда
 Тебѣ, поруганная Русь,

Пока огнемъ негодованья
 Не вспыхнешь въ гордости своей,
 Не позовешь для новой брани
 Твоихъ несмѣлыхъ сыновей.

Мы ждемъ во снѣ глухомъ и темномъ,
 Покоясь въ равнодушномъ злѣ,
 И каждый путникомъ бездомнымъ
 Въ родной скитается землѣ.

V.

Господи, съ послѣднею мольбою
Именемъ Твоимъ,
Мы послѣдній разъ передъ Тобою
Нынѣ предстоимъ.

Одаривъ Твоей одеждой новой
Любящихъ невѣсть,
Намъ Ты отдалъ свой вѣнокъ терновый,
Деревянный Крестъ.

Поползли мы, полные печали,
Въ прахъ и пыли,
Крѣпко къ сердцу Твоему вѣнокъ прижали,
Честно берегли.

Впились терны съ болью небывалой
Въ страждующую грудь;
Обагрился кровью ярко-алой
Одинокій путь.

И, когда спустились на дорогу
Сумракъ и закатъ,
Мы въ крови своей, моляся Богу,
Омочили платъ.

И, слѣдя за истекавшей кровью,
 Боль запечатлѣвъ,
 Позабыли преданность сыновью—
 И очнулся гнѣвъ.

Алыный платъ зажегся передъ нами
 Вѣрною звѣздой
 И повелъ суровыми тропами
 На завѣтный бой.

Настъ, идущихъ за послѣдней бранью,
 На иномъ пути,
 Отложившихъ крестъ и покаянья,
 Господи, прости.

VI.

«Люблю тебя въ обликѣ рабѣмъ».

М. Волошинъ.

Всегда и всюду я съ тобою
У неразгаданный черты,
Но не смиренною рабою
Ко мнѣ въ мечтахъ приходишь ты.

И не распугною черницей,
Въ мерцаньи гаснущихъ свѣчей, —
Я вижу въ огненной зарницѣ
Лицо владычицы моей.

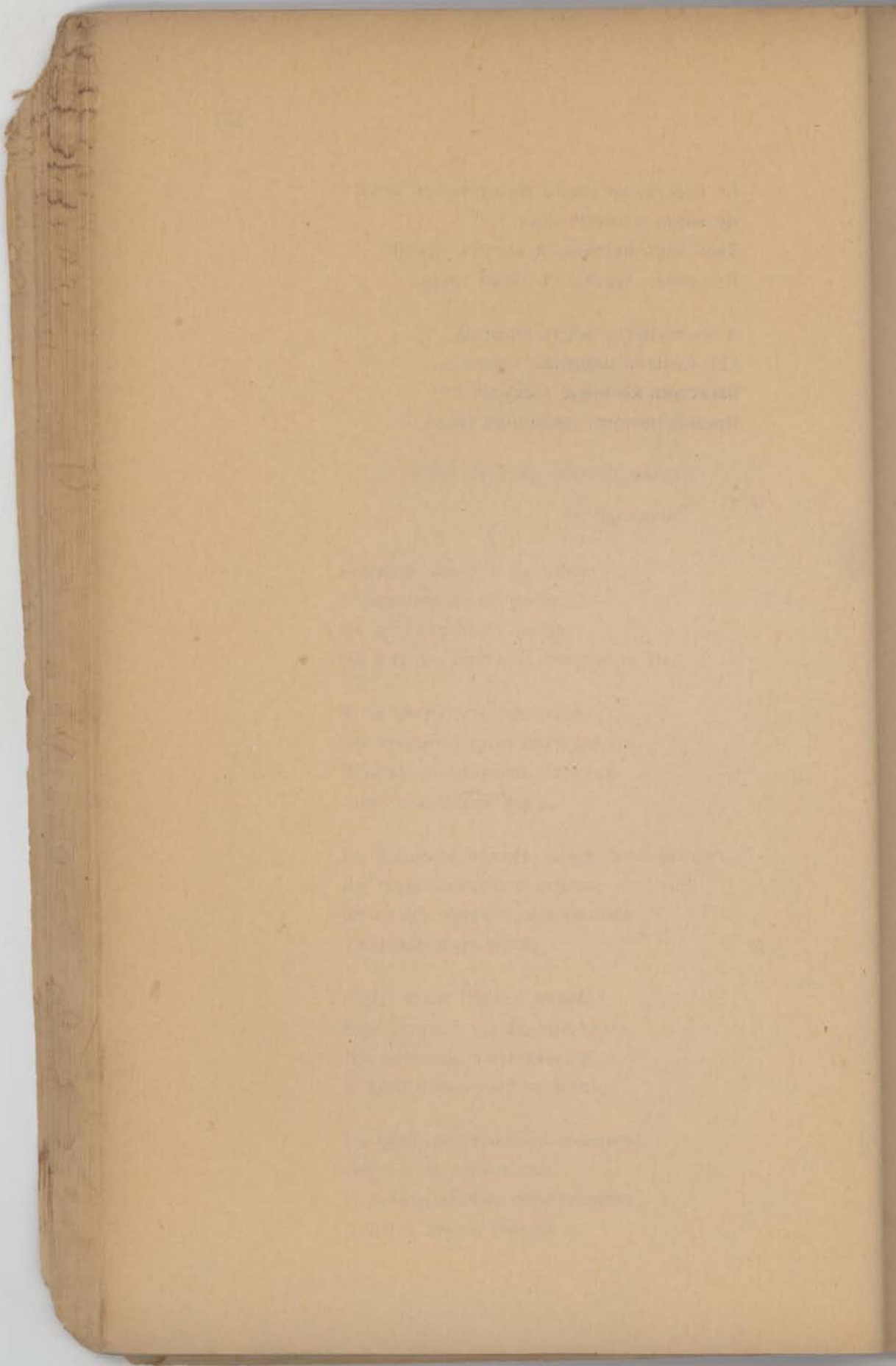
Въ ржанныхъ поляхъ, вспоенныхъ потомъ,
Въ гудѣньи вѣрнаго станка,
Великимъ править поворотомъ
Твоя надежная рука.

Пора, пора! Пускай кадила
Еще струять священный дымъ,
Но ты ушла, ты измѣнила,
И твой порывъ неудержимъ.

Въ краю испуганномъ и нищемъ
Окончи тягостные дни
И передъ яркимъ полотнищемъ
Хоругви ветхія склони.

Не крестъ, но сталь. На смутномъ небѣ
Не видно знаменій. Иди.
Твой часъ насталъ, и вынуть жребій
И сорванъ крестъ съ твоей груди.

А на распутьи всѣхъ распутій,
Гдѣ распятъ плачущій Христосъ,
Взнеслись кровавые лоскутья
Предвѣстникомъ грядущихъ грозъ.



Д р а к о н ъ.

(Вѣнокъ сонетовъ).

Памяти Вл. Соловьева.

ДРВОНЕ

ВЪВЕДЕНІЕ
ОБЪЯВЛЕНІЕ

I.

Давно забыть объѣтъ земного рая,
Среди жестокихъ ежедневныхъ сѣчь
Трибунъ молчать, смущенно обрывая
О вольности затверженную рѣчь.

Предчувствіе трепещеть, угасая;
Плѣнительной надежды не сберечь,
И въ первый день восторженного мая
Не упадетъ тяжеловѣсный мечъ.

Къ минувшему не можетъ быть возврата
Тревожная душа ослѣплена,
И братъ увѣренно пошелъ на брата.

Недобрая задача рѣшена,
Свершилася постыдная утрата,
Тяжка братина браннаго вина.

II.

Тяжка братина браннаго вина,
Вдвойнѣ тяжки ненужные укоры,
Когда земля огнемъ озарена
И вскрытъ ларецъ карающей Пандоры.

Чья бъ ни была проклятая вина,
Теперь оставимъ бѣшенные споры:
Судьба съ судьбою тѣсно сдѣлена
И явится таинственное скоро.

Великихъ чаяній плохой сосудъ,
Мы не смогли, въ словахъ изнемогая,
Остановить неизбежный Судъ.

И вотъ—судьба настигла роковая
И полчища несчетныя идутъ,
Старинную Европу раздирая.

III.

Старинную Европу раздирая,
 Часъ-отъ-часу огромнѣй и грознѣй
 На рубежахъ растеть стѣна живая,
 Незыблемѣй незыблемыхъ камней.

Какъ тягостна наука боевая!
 Но тысячи уже сроднились съ ней,
 Въ чудовищныхъ сраженьяхъ забывая
 О радостномъ содружествѣ людей.

Ребяческихъ, игрушечныхъ мечтаній
 Назойливая власть еще сильна,
 Но имъ не мѣсто въ осажденномъ станѣ,

Гдѣ дымная поднялась пелена,
 И слышно, какъ вдали, въ густомъ туманѣ,
 Гремить неистощимая война.

IV.

Гремить неистощимая война,
 Съ низинами уравнены высоты;
 Едва ли есть счастливая страна,
 Не знающая воинской заботы!

Однообразнѣ веретена
 Рокочуть бдительные пулеметы;
 За каждый шагъ—безмѣрная цѣна,
 И умирають храбрые безъ счета.

Но чуткіе вѣсы досель не дрожатъ,
 Кому торжествовать, еще не зная,
 Кому разстроеннымъ бѣжать назадъ.

И каждый день слѣпыхъ снарядовъ стая
 Свирѣпствуетъ, сражая наугадъ,
 Сметая все, отъ края и до края.

V.

Сметая все, отъ края и до края,
 Текуть потоки пламеносныхъ рѣкъ,
 И кажется, что Истина сѣдая
 Безумствующихъ кинула навѣкъ.

За лютой смертью смерть спѣшитъ вторая,
 Все рухнетъ, чѣмъ гордился человѣкъ;
 Безсильно вздрагиваютъ, догорая,
 Останки храмовъ и библиотекъ.

Опять въ землѣ Милосская Венера,
 Полотна Винчи,—штуки полотна,
 Утеряна погибнувшему мѣра,

И злобою бушующей пьяна,
 Какъ сказочная жадная химера
 Несется непошадная волна.

VI.

Несется непошадная волна,
 Не удержать взметнувшейся стихіи;
 Поблекнула небесъ голубизна,
 И вслѣдъ пророкамъ смолкнули витіи.

Но если бѣ и настала тишина
 Въ смятенномъ ожиданіи Мессіи,—
 Увидѣла бы красная луна:
 Погибли голуби и гибнутъ змѣи.

Прогнѣвался несправедный Творецъ,
 За несвершенные грѣхи карая,
 Опредѣлилъ страдальческій вѣнецъ.

Въ отчаяньи вопить земля родная,
 Какъ бы предвѣдѣла горестный конецъ,
 И стонутъ люди, въ ранахъ умирая.

VII.

И стонуть люди, въ ранахъ умирая,
И все делятъ робкія мечты:
Прекрасною воспрянетъ жизнь земная,
На красной крови—красные цвѣты.

Но прежде побѣдить! И, напругая
Остатокъ силъ, указанной черты
Не могутъ достигнуть, и Смерть, вздыхая,
Бросаетъ имъ забвеніе съ высоты.

Все для войны—и подвиги и мысли;
Засѣяны костями сѣмена,
И павшихъ невозможно перечислить.

И вновь, въ шинеляхъ сѣраго сукна,
Идутъ на бой на Соммѣ или Вислѣ,
Но чаша не осушена до дна.

VIII.

Но чаша не осушена до дна!
Гоенія ушедшимъ слишкомъ рано!
Подавленная воля не вольна,
Нельзя въ себя замкнуться невозбранно.

Летля потомкамъ явственно видна,
И цѣпи небывалаго обмана
Готовы до послѣдняго звена—
Грозить копьемъ желѣзный Рахъ Романа.

Все для войны! Не думай о себѣ
И не живи, мечтатель, одиноко,
Но принимай участіе въ борьбѣ.

Бѣжить, бѣжить струя рдяного тока,
И люди довѣряются судьбѣ,
И въ гулъ битвъ ничье не видитъ око.

IX.

И въ гулѣ битвъ ничье не видитъ око,
И въ гулѣ битвъ у всѣхъ притупленъ слухъ,
Не различить зловѣщаго упрека,
Вотще, вотще предупреждаетъ Духъ.

И все разсвѣтъ попрежнему далеко,
И въ третій разъ не пропоетъ пѣтухъ,
И вождь и плѣнникъ не поймутъ урока,
Костеръ надежды вздрогнулъ и потухъ.

Сложилъ копье воинственный Георгій,
И только золота проклятый звонъ
И голоса предателей на торгѣ,

А въ этотъ часъ, заслыша скорбный стонъ,
Восходитъ Солнце въ яростномъ восторгѣ
Въ краю, гдѣ въ море рухнулъ небосклонъ.

X.

Въ краю, гдѣ въ море рухнулъ небосклонъ,
Сливаясь съ нимъ въ прозрачно-желтомъ свѣтѣ,
И вишенъ ароматомъ напоенъ
Горячій воздухъ, въ снахъ тысячелѣтій;

И вечеромъ кули бѣжить въ притонъ,
Гдѣ опиумъ раскидываетъ сѣти,
Задумался Китай, и ждетъ Ниппонъ,
И люди—созерцатели и дѣти.

Оставлены старинные мечи,
Въ оружье вкралась ржавчина глубоко,
Сгораютъ жизнь спокойнѣе свѣчи,

Но, можетъ быть, пробудятся до срока
И грянуть тучей хищной саранчи
Медлительные правнуки Востока.

XI.

Медлительные правнуки Востока
Уже давно внимательно слѣдятъ:
Въ борьбѣ междуусобной и жестокой
Аріицы слѣпо пьютъ смертельный ядъ.

И хлещутъ брызги яраго потока
И страннымъ ожиданіемъ томятъ:
Тебѣ, Востокъ, тебѣ изойти высоко
И царственный тебѣ принять нарядъ.

Что сдѣлаетъ неумудренный кровью
Усталый Западъ, въ бѣдахъ изступленъ,
Когда, стекаясь къ бранному становю,

Неисчислимымъ множествомъ племенъ,
Монголы, соблюдая мечь сыновью,
Нарушили тысячелѣтній сонъ?

XII.

Нарушили тысячелѣтній сонъ
Наслѣдники Великаго Могола,
И Майдари насмѣшливый взнесенъ
Надъ желтыми, заполнившими доли,

Какъ воины, уступами колоннъ,
Они идутъ, гудитъ призывъ веселый,
И каждый князь смущенъ и ослѣпленъ
Величіемъ всемірнаго престола.

Гордась, ликуй, воскресшій Чингисъ-Ханъ!
Отмщеніе убійства и порока
Твоихъ сыновъ непобѣдимый станъ,

Что выстроютъ, по изволеню Рока,
Въ святомъ Петрѣ—незыблемый дацанъ...
Сбылося предсказаніе пророка.

XIII.

Сбылося предсказаніе пророка,
 Борьба неравносильною была,
 Палъ третій Римъ, не давъ любви зарока,
 Во прахъ Византіи купола.

Раздавлено безпечное барокко;
 Готическихъ соборовъ полумгла,
 Гдѣ *Sancto Sancto* въ желтыхъ пятнахъ дрока
 Не оскорбить пришельцевъ не могла.

Безжалостны дикарскіе удары,
 Обычай крѣпкій всюду водворень,
 А непокорнымъ—плети и пожары

И, знаменуя Силу и Законъ,
 Какъ утро—новый, словно вечеръ—старый
 Взялся надъ міромъ пламенный Драконъ.

XIV.

Взялся надъ міромъ пламенный Драконъ,
 Ему почетъ и скипетръ и порфира,
 И тысячи разсѣянныхъ коронъ
 Князья приносятъ самодержицу міра.

И озаритъ непоколебимый тронъ
 Смиренныхъ подданныхъ—зарю мира,
 И желтый ликъ—въ церквахъ среди иконъ,
 Ему—мольбы и трепетная лира.

Драконъ. Не вѣка золотого власть
 И не Мессіи радость міровая,
 Нависла огнедышащая пасть,

И знаютъ люди, тихо засыпая,
 Вовѣкъ немыслима иная часть...
 Давно забыть объѣтъ земного рая.

XV.

Давно забыть объѣтъ земного рая,
Тяжка брата браннаго вина;
Старинную Европу раздирая,
Гремитъ неистощимая война.

Сметая все, отъ края и до края,
Несется безпощадная волна
И стонуть люди, въ ранахъ умирая,
Но чаша не осушена до дна.

И въ гулъ битвъ ничье не видитъ око:
Въ краю, гдѣ въ море рухнулъ небосклонъ,
Медлительные правнуки Востока

Нарушили тысячелѣтній сонъ;
Сбылося предсказаніе пророка—
Взвился надъ міромъ пламенный Драконъ.

SIBIRICA.

SIBIRICA

I.

(Т Р И О Л Е Т Ы).

Невольной родинѣ моей
 Не посвящу я свѣтлыхъ пѣсенъ;
 Мой плѣнъ томителенъ и тѣсенъ
 Въ невольной родинѣ моей.
 А милый призракъ давнихъ дней
 Неуловимъ и безтѣлесенъ;
 Невольной родинѣ моей
 Не посвящу я свѣтлыхъ пѣсенъ.

Въ краю холодномъ и суровомъ
 Я вспоминаю край родной;
 Какъ много пережито мной
 Въ краю холодномъ и суровомъ!
 Я здѣсь любилъ. Родимымъ кровомъ
 Мнѣ сталъ бурянь и лѣтній зной;
 Въ краю холодномъ и суровомъ
 Я забываю край родной.

Я примирился и простилъ
 Моей любви, прощаясь съ нею,
 И злой тоской не пламеню,
 Я примирился и простилъ.
 Край искупленья и могилъ
 Мнѣ сталъ понятнѣй и роднѣе;
 Я примирился и простилъ
 Моей любви, прощаясь съ нею.

Слагаю радостныя пѣсни
 Невольной родинѣ моей,
 Гдѣ зналъ чреду счастливыхъ дней,
 Слагая радостныя пѣсни.
 И съ каждымъ часомъ все чудеснѣй
 Изгнанья край и все роднѣй...
 Слагаю радостныя пѣсни
 Невольной родинѣ моей.

II.

(СЕКСТИНА).

Нерѣдко, въ холода декабрьской непогоды,
 Изгнанники твердятъ, бесѣдуя со мной:
 «Какъ трудно вынести страдальческіе годы
 Вдали отъ стороны любимой и родной,
 И непривычный трудъ, и скуку, и невзгоды,
 И зимы долгія и вѣтеръ ледяной».

Но я—изгнанникъ самъ. Въ Сибири ледяной
 Я знаю холода туманной непогоды;
 Раскаянье и гнѣвъ и злобныя невзгоды
 Меня не минули и тѣшились со мной;
 И горько воспоминалъ и я мой край родной,
 Гдѣ ясно протекли младенческіе годы.

Томлюсь уже давно; медлительные годы
 Шепнули мнѣ: «ты нашъ» и лаской ледяной
 Твердили мнѣ: «Забудь. Теперь тебѣ родной
 Морозный, скудный край тоски и непогоды.
 Взгляни!» И блѣдный ликъ предсталъ передо мной
 Въ неслыханной красѣ, и я забылъ невзгоды.

Еще ты спишь, Сибирь. Народныя невзгоды
 Ты сносишь и молчишь и пламенные годы
 Еще тебѣ чужды, но чувствуется мной:
 Недолго промолчишь въ оградѣ ледяной,
 Подъ мѣрный шумъ тайги и грохотъ непогоды
 И думы о Руси, враждебной и родной.

Въ сомнѣніяхъ ее не назовешь родной,
 Пока не различишь ты общей намъ невзгоды;
 Тогда послышатся удары непогоды,
 И послѣ гулкихъ битвъ придутъ иные годы.
 Прорѣжетъ яркій лучъ твой сумракъ ледяной
 И радостная пѣснь пропѣта будетъ мной.

Пушистый мягкій снѣгъ летаетъ надо мной—
 Странѣ изгнанія—и все же мнѣ родной,
 Пою: ты хороша въ коронѣ ледяной!
 Придетъ, придетъ твой часъ, и рушатся невзгоды;
 Тогда покажутся мучительные годы
 Раскатами грозы далекой непогоды.

III.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

Таинственный и непонятный свѣтъ!
 Приникъ туманъ къ испуганной землѣ,
 Ничто не дрогнетъ въ сѣрой полумглѣ;
 Въ недвижномъ кругѣ блѣдно-желтая луна,
 Но непрозрачная густая пелена
 Скрываетъ призрачный недостовѣрный свѣтъ.

Сливается съ полями небосклонъ;
 Пропалъ въ туманѣ бѣлоглавый лѣсъ,
 Въ морозныхъ клубкахъ низкій домъ исчезъ,
 И сумракъ брезжущій мою похитилъ тѣнь;
 Не знаю,—длится ночь иль безконечный день,
 Въ блескахъ морокахъ сокрылся небосклонъ.

Слезятся напряженные глаза,
 И слезы стыннутъ коркой ледяной,
 Но боль уже не чувствуется мной,
 И я брожу въ лѣсахъ, часамъ теряя счетъ,
 И сказочная ночь пугаетъ и влечетъ,
 Какъ женщинъ сѣверныхъ безстрастные глаза.

IV.

ЗАМЕРЗАНИЕ.

Недвижно вокруг луны кольцо, прозрачное и блѣдно-матовое;
 Блестить поляны снѣжной гладь, таинственный просторъ охватывая.
 Тугія лыжи не скрипятъ, остановилъ я бѣгъ размѣренный
 И снѣгу ровному молюсь; восторженный, молюсь увѣренно.
 Я клятву вѣрности сдержалъ, въ морозныя поля влюбленный;
 Зима въ покровѣ снѣговомъ, ты примешь жениха на лоно.
 Блистай, холодная луна, свѣтильникомъ въ желанный часъ;
 Къ тебѣ, владычица, пришелъ; завистникъ не расторгнетъ насъ.
 Бросаюсь я зимѣ на грудь, молитвенно цѣлую;
 Я ждалъ тебя, любилъ тебя, суровую и злую.
 Какъ хорошо, зима, съ тобой, я упоенно стихъ,
 Какъ хорошо, какъ сладко мнѣ въ объятяхъ твоихъ.
 Я упоенъ, тебя въ объятяхъ стискивая,
 Пренепорочнѣйшая грудь какъ близко твоя...
 Какъ ты блѣдна, моя жена покорная!
 Ужели страсть утолена упорная?
 Я утомленъ, я здѣсь простертъ безъ силы;
 Уходитъ кровь и цѣпенѣютъ жилы.

О, быть съ тобой еще, еще позволю!
Какъ странно въ тѣло проникаетъ боль.
И вновь меня ласкаютъ жгуче,
Глаза закрыты темной тучей
И на устахъ моихъ печать;
Какъ хорошо вдвоемъ молчать
И, тихо засыпая,
У вратъ земного рая,
Сказать: «лишь я да ты,
Сполна сбылись мечты».
Ко мнѣ летите,
Снѣжинокъ нити,
Со мною—вотъ—
Вашъ хороводъ;
Нѣмѣя,
Какъ змѣи
Струять
Ядъ.

V.

О Л Ъ Х О Н Ъ.

Ни дерева. Убогая трава
 Ползетъ къ водѣ, цѣпляясь по скаламъ;
 Суровымъ стражемъ встала надъ Байкаломъ
 Гигантская Кобыля Голова.

Вдали видны отроги красныхъ горъ,
 Тамъ сосны лѣпятся по южнымъ склонамъ...
 Какой народъ зоветъ родимымъ лономъ
 Пургой и солнцемъ сдавленный просторъ?

Порой толпа приземистыхъ бурятъ
 Несется на косматыхъ кобылицахъ,
 Но пятна бѣлыя на смуглыхъ лицахъ
 О смерти и болѣзняхъ говорятъ.

Проклятый островъ! Неприютный кровъ
 Пугающихъ заразой прокаженныхъ.
 Гдѣ мечется въ ущельяхъ обнаженныхъ
 Свирѣпыхъ волнъ однообразный ревъ.

VI.

НА БАЙКАЛѢ.

Мѣсяца полупрозрачный серпъ
 Потерялся въ тучахъ свѣтлосинихъ;
 Далеко, на неразмытыхъ льдинахъ,
 Слышно лаянье веселыхъ нерпъ.

Волны дышать вольно и легко,
 Тихому дыханью внемлютъ горы;
 Медунникъ лиловые узоры
 Бороздятъ пострѣловъ молоко.

Мѣсяцъ скрылся. Гаснетъ свѣтъ ночной,
 Трепетныя волны покраснѣли.
 Поѣздъ грузно выползъ изъ туннеля,
 Громяхая пестрой чешуей.

VII.

ЗАЯЧЬЯ ОХОТА.

Проваливаясь въ рыхлый снѣгъ,
Изъ крѣпкой лиственницы лыжи
Проворный замедляютъ бѣгъ
У лѣтнихъ юртъ, гдѣ сосны ниже.

Тамъ снѣгъ прозрачнѣе слюды,
Недвижны сосны въ бѣлой дымкѣ;
Трехлистнымъ клеверомъ слѣды
Разбросаны по всей заимкѣ.

Молчить двухствольное ружье
И ждѣть, въ тревогѣ терпѣливой,
Пока на сонное жнивье
Не выпрыгнетъ ушканъ пугливый.

Какъ будто шумное вино
Изъ дула вырвется къ лазури
И расплывается пятно
По пепельной пушистой шкурѣ.

VIII.

Въ унтахъ съ узорною каемкой
У водъ, охваченныхъ тайгой,
Брожу вдоль забереговъ ломкихъ
Съ четырехъ зубой острой.

Не промахнется, не измѣнитъ
Недавно робкая рука,
Когда налива въ сонной дѣни
На берегъ выброситъ рѣка.

Потомъ—заиндевѣвъ въ туманѣ,
Съ добычей сяду въ кошеву
И, кутаясь въ доху яманыю,
Собаку свистомъ позову.

Скрипятъ сосновыя полозья
И дятель прерываетъ стукъ
И, посѣдѣвшій на морозѣ,
Спѣшитъ укрыться бурундукъ.

IX.

У Бѣлогорья и на Ленѣ
 Еще не вымерли шаманы.
 Умѣй пройти тропой оленьей
 Въ тайгу, въ морозные туманы.

И положи куски хурута
 На холмъ, засыпанный камнями,
 Гдѣ у скалы, взнесенной круто,
 Шаманъ зарытъ въ глубокой ямѣ.

Дождись багроваго заката
 И на опущенныя вѣтки
 Повѣсь ходакъ голубоватый
 И сдѣлай четкія помѣтки.

Потомъ откройся при народѣ,
 Ступай съ подарками въ улусы,
 Дари семьѣ, старѣйшей въ родѣ,
 Конфетъ и пороха и бусы.

Забрезжить день, скупой и сѣрый,
 Ищи обратныя дороги
 И все, о чемъ попросишь съ вѣрой,
 Тебѣ дадутъ лѣсные боги.

X.

ЗАКЛЯТЬЕ

Бѣлогорье копило свинцовыя тучи,
Собирался ударить бурань,
Но мнѣ предсказаль удачливый случай
Уродливый старый бурхань.

Бурхана я смазалъ медвѣжьимъ жиромъ,
Положилъ ему два рубля.
И опять помолился и вышелъ съ миромъ
Въ занесенныя снѣгомъ поля.

И, встрѣтивъ шамана въ тяжелыхъ бляхахъ,
Съ худощавымъ и нервнымъ лицомъ,
Попросилъ я его, безъ дѣтскаго страха,
Подарить вѣнчальнымъ кольцомъ.

Пусть на снѣжную поляну
Выведутъ козла;
Заклинать я духовъ стану,
Черныхъ духовъ зла.

Пусть шаманъ ударить въ бубны,
Кликнетъ въ хороводъ,
Чтобъ со лба стекалъ на губы
Почернѣвшій потъ.

Пусть шаманки Адыгомки
Встанетъ вѣщій духъ,
Я торжественно и громко
Имя бросилъ вслухъ.

Закричалъ шаманъ въ весельи,
Глянулъ на бурятъ
И нанесъ ударъ смертельный
И отпрянулъ въ рядъ.

Понеслись по бычьимъ кожамъ
Межъ отвѣсныхъ скалъ,
Я, чужой и непохожий,
Съ ними заплясалъ.

Окропляя кровью дымной
Голые кусты,
Лишь тебѣ слагаю гимны,
Знаешь, знаешь ты.

И, молясь о свѣтлой встрѣчѣ
Богу своему,
Я дымящую печень
Выше подниму.

Рву трепещущія жилы
Сломаннымъ ногтемъ,
Желчь закапала безсильно
Медленнымъ дождемъ.

Рвемъ куски изъ общей чаши,
Прячемъ въ рукавахъ;
Былъ я въ тѣ минуты страшень
Съ кровью на устахъ.

Въ пьяныхъ крикахъ и объятьяхъ
Возрастаетъ гуль...
Я зловѣщее заклятье
Яростно швырнулъ.

И еще я не кончилъ вопроса,
 Бросилъ въ воздухъ шаманъ копье
 И тотчасъ, между стройныхъ сосенъ,
 Показалось лицо твое.

Къ землѣ приникали тѣни,
 Уже догоралъ костеръ,
 Я упалъ въ толпѣ на колѣни
 И руки къ тебѣ простеръ.

И слезы твои, какъ жемчугъ,
 Стекли на кровавый песокъ,
 А на лбу повязка и вѣнчикъ
 И давить грудь образокъ.

Я видѣлъ лицо родное,
 Сіяніе милыхъ глазъ...
 ...И сердце сладостно ноетъ,
 Вспоминая счастливый часъ.

XI.

ВЪ ГОРОДѢ.

«Здѣсь города зѣваютъ въ алчной скукѣ
И жизнь обвилъ узкое кольцо».

1.

Часовъ унылый караванъ
Ползеть, какъ будто надо мною
Навись тяжелой пеленою
Непроницаемый туманъ.

Пройдутъ часы унылыхъ буденъ,
Глухимъ окованные сномъ,
И новый день, утрюмъ и скуденъ,
Неспѣшно встанетъ подъ окномъ.

И вновь заученныя позы,
Однообразныя слова
И заблестѣвшія едва,
Виномъ рожденныя угрозы.

Тоска слѣпорожденныхъ дней
Ко мнѣ приходитъ въ пыльномъ платьѣ
И нѣтъ любви и нѣтъ проклятья
И общающихъ огней.

И сжата жизнь желѣзнымъ кругомъ,
Докучный плѣнъ нерасторжимъ
И немирящіеся съ нимъ
Безплодно гибнуть другъ за другомъ.

2.

Зѣвають города въ истомѣ алчной скуки.
 Какъ тяжело каждый день одни и тѣ же звуки
 Встрѣчать и провожать, свершая дряхлый чинъ
 Постылаго труда, заплаканныхъ кручинъ
 И вялыхъ праздниковъ, опершихся на клюки!

Вокзальные гудки—протяжный стонъ разлуки,
 Кривыя улицы—какъ будто сѣть морщинъ;
 Не въ силахъ одолѣть давно прикипшій сплинъ,
 —Зѣвають города.

Пройдутъ года, и также будутъ внуки
 Въ отчаяньи ломать протянутыя руки,
 Но страхъ томительный—привычный господинъ
 И плѣна избѣжать не сможетъ ни одинъ.
 Въ дремотѣ тягостной, въ неисцѣлимой мукѣ
 —Зѣвають города.

XII.

С Т Е П Ъ.

И вдругъ мелькнетъ, невѣдомо откуда,
Раскосый взглядъ насмѣшливаго Будды
И желтое скуластое лицо.

I.

Зной струится. Стень раскалена.
Красноклювы прячутся въ болотѣ.
Вѣтеръ дышитъ въ тягостной дремотѣ,
Жжетъ лицо горячая волна.

Въ яромъ гнѣвъ мстительное Солнце,
Изъ лучей свивая бѣлый жгутъ,
Хлещетъ край, гдѣ идолопоклонцы
До сихъ поръ шаманскій бубень чтутъ.

Только ты, смиренный Шаджи-Муни,
Только ты воистину великъ!
Солнце, люди, журавлиный крикъ
Славятъ Будду въ смѣнѣ новолуній.

Въ стрыхъ складкахъ горнаго гребня
Удлиненныя ложатся тѣни;
Всадникъ опустилсѣ на колѣни
Для молитвы на заатѣ дня.

Южный вѣтеръ утомленно дышитъ,
Отдыхаетъ солнце на горѣ,
Золота изогнутыя крыши
Бѣлаго кирпичнаго хуре.

Истомленно каркнулъ черный воронъ,
Жжетъ лицо горячая волна.
Давитъ степь зовущій и упорный
Ревъ ухыр-бурэ, какъ ревъ слона.

2.

Вѣтеръ сѣверный грянулъ въ трубу
На просторѣ.

Грозный врагъ, испытаетъ судьбу
Въ равномъ спорѣ.

Ты силенъ, ты владѣешь огнемъ;
Битвѣ рады,

Другъ надъ другомъ удары внесемъ
Безъ пощады.

Ты пришелъ изъ далекой земли
Въ зной Востока.

Ты усталъ, ты въ дорожной пыли,
Синеокій!

Ты родился, гдѣ вносить пурга
Свистъ змѣиный,

Гдѣ въ лѣсные—весной—берега
Бьются льдины.

Грозный врагъ, испытаетъ судьбу
Въ равномъ спорѣ.

Вѣтеръ сѣверный грянулъ въ трубу
На просторѣ.

3.

Подъ солнцемъ яростнымъ стоячая вода
Съ утра гнѣтъ, грозя болотной лихорадкой;
Медлительно мыча, жуютъ кустарникъ сладкій
Косматыхъ сарлуковъ покорныя стада.

Сковала кругозоръ безлѣсная гряда
Угрюмыхъ сѣрыхъ горъ, раскинутыхъ въ порядкѣ.
Тумана знойнаго струящіяся прядки
Хранятъ степныхъ племень заснувшіе года.

Огромный Майдари, съ насмѣшливой улыбкой,
Въ туманномъ снѣ встаетъ, расплывчатый и зыбкій,
Улыбка съ каждымъ днемъ становится грознѣй

И скоро, вспомянувъ давнишнее величье,
Монголы издадутъ воинственные кличи,
Лаская въ серебро украшенныхъ коней.

4.

Близокъ день—воплотится Будда
Въ желанный, послѣдній разъ!
Свершится, свершится чудо,
Наступить обѣщанный часъ!

Охвачены дикою волей,
Заслышатъ далекій громъ
И вырвутся всадники въ поле,
На солнцѣ блестя серебромъ.

На Западъ направлены луки,
Какъ струна, туга тетива;
Не дрожать загорѣлыя руки,
Копытами смята трава.

Храпятъ низкорослые кони,
Доносится скрипъ телѣгъ.
Скорѣй бы метнуться въ погонѣ,
Скорѣй бы внезапный набѣгъ!

Быстрый бѣгъ коней не измучить,
Каждый жаждою битвы пьянъ;
Одѣлись въ сизыя тучи
Хребты родимыхъ Саянъ.

Вѣтеръ взвихрилъ облако пыли;
Эй, пора, занимается день!
Раскинула черныя крылья
Чингисъ-Хана зовущая тѣнь.

ПРИМЪЧАНІЯ. Унты — мѣховые сапоги.

Заберегн — тонкій ледъ вдоль береговъ еще не застывшей рѣки.

Яманъ — баранъ.

Бурундукъ — сибирская бѣлка.

Медуника и пострѣлы — весенніе сибирскіе цвѣты.

Хурутъ — сыръ изъ кислаго молока.

Ходакъ — лента для жертвоприношеній.

Бурханъ — общее названіе для боговъ у шаманистовъ бурятъ.

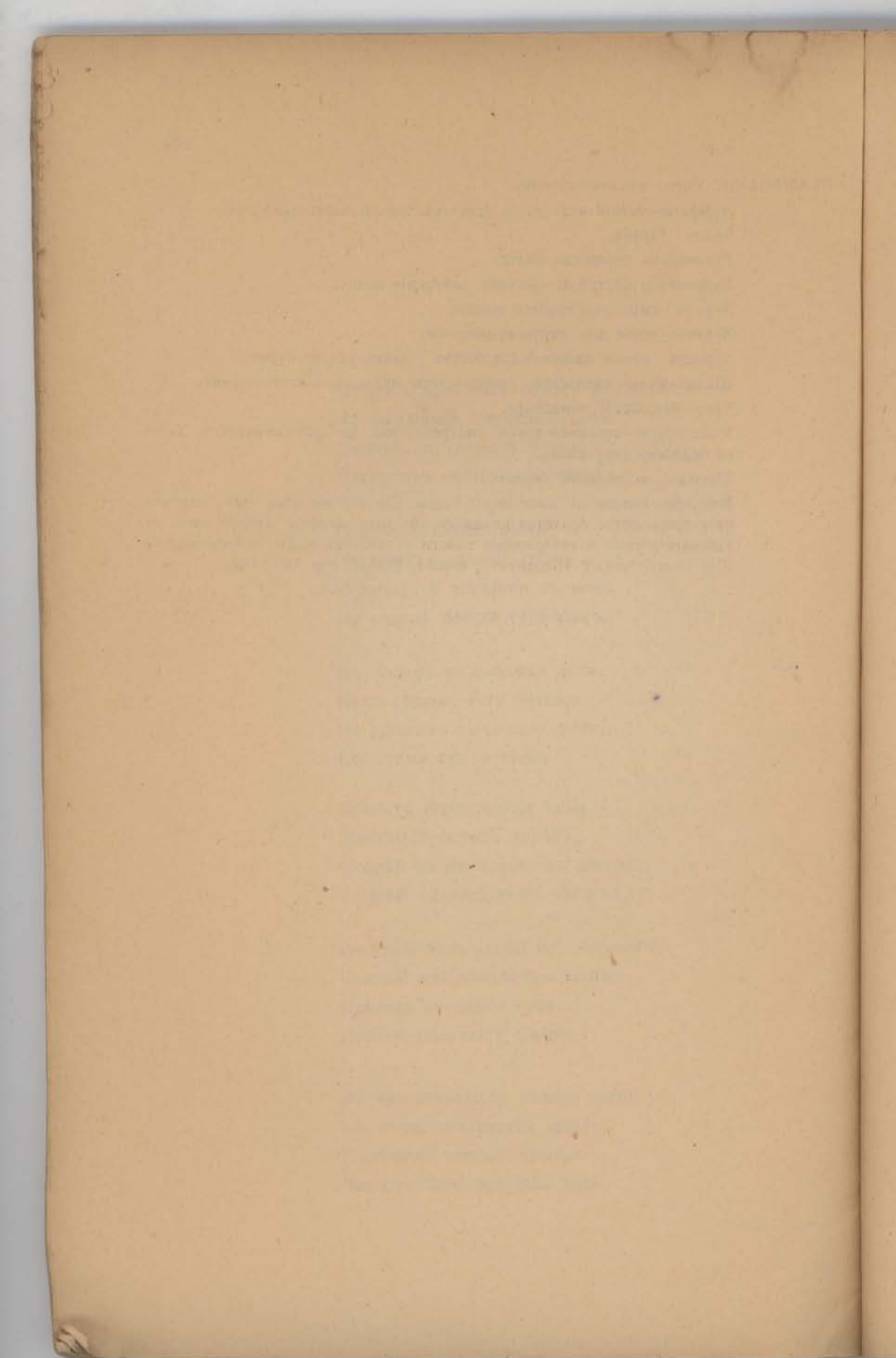
Шаджи-Муни — халхаское произношеніе индусскаго «сакья-муни».

Хуре — буддійскій монастырь.

Ухыръ-бурэ — огромная труба, употребляемая при богослуженіяхъ. Звукъ ея подобенъ реву слона.

Сарлукъ — монгольскій быкъ.

Майдари — ожидаемое воплощеніе Будды. Съ его именемъ часто связывается пророчество братства келановъ объ освобожденіи Тибета отъ китайскаго вліянія и утвержденіи власти буддистовъ надъ всѣмъ міромъ (См Подгорбунскій «Буддизмъ», вып. 1, 1900 г., стр. 189—190).



SENTIMENTALIA.

RENTIERIA

САНТИМЕНТАЛЬНЫЕ РОНДО.

1.

(Ассо-рондо).

«Письма не будетъ. Знаю. Знаю.
Писать вѣдь письма нелегко».

Г. Адамовичъ.

Всеволоду Курдюмову.

И нынче нѣтъ письма! Еще звонокъ,
И поѣздъ тронулся, вдали теряя очеркъ.
Ужели я забыть? Ужели одинокъ,
И мнѣ не скажетъ полудѣтскій почеркъ,
Чтобъ я пришелъ дремать у милыхъ ногъ?

Темнѣетъ. Дни становятся короче,
Чернѣетъ въ полѣ позабытый стогъ.
Я вспоминаю, сумраченъ и строгъ,
И нынче нѣтъ письма».

Не такъ ли Вы, въ саду ломая дрокъ
У флорентійской церкви Санта-Кроче,
Твердили, какъ заученный урокъ,
—Хотя бы нѣсколько неровныхъ строчекъ!—
И повторяли, глядя на Востокъ,
И нынче нѣтъ письма...

2.

Не ты, но Вы: сполна сбылись примѣты,
 Ушла, смѣясь, «прости» сказала мнѣ.
 Едва слагаю скучные сонеты
 Въ такой же одинокой тишинѣ,
 Какъ ростовщикъ, считающій монеты.

Воспоминанія встаютъ во снѣ,
 Уходятъ вновь, стремительнѣй кометы,
 И, просыпаясь, восклицаю «гдѣ ты?»
 Не ты, но Вы.

Чужіе мы и въ пѣснѣ недопѣтой,
 Задуманной съ тобой наединѣ
 Въ лѣсу, въ потокахъ солнечнаго свѣта,
 Я всѣмъ солгу и, сдержанный вполнѣ,
 Я буду говорить, забывъ обѣты,
 Не ты, но Вы.

3.

Не попрошу докучныхъ сожалѣній,
 Полупрезрительныхъ и нѣжныхъ фразъ.
 Не упаду съ мольбою на колѣни,
 Но я напому Вамъ въ послѣдній разъ
 О хрупкомъ и недолговѣчномъ плѣнѣ.

Апрѣльскій вечеръ вздрагивая, гасъ,
 Какъ яркіе цвѣта на гобеланѣ...
 Не бойтесь, повторить прошедшій часъ
 Не попрошу.

Я не могу перенести томленій,
 Такъ пусть въ кафѣ зажжется тусклый газъ;
 Абсентъ, хранящій память о Верленѣ,
 Навѣтъ мнѣ спасительный экстазъ
 И Васъ притти спасать меня изъ лѣни
 Не попрошу.

II.

САНТИМЕНТАЛЬНЫЯ РОНДЕЛИ.

1.

Амуровъ—розовыхъ божковъ—
 Молю, колѣнопреклоненный,
 Пускай, безпечный и влюбленный,
 Дождусь умолкнувшихъ часовъ
 И брошу связку васильковъ
 Въ ея окошко у балкона.
 Амуровъ—розовыхъ божковъ—
 Молю, колѣнопреклоненный.
 Часы невысказанныхъ словъ,
 Лицо—печальный ликъ Мадонны—
 Сомнѣній сдержанные стоны
 И дружный хохотъ изъ угловъ
 Амуровъ—розовыхъ божковъ.

2.

Она бѣжала по аллеѣ,
 Убравъ сиренью волоса,
 Прозрачно искрилась роса,
 Траву прохладною лелѣя.
 Догналъ. И стали тяжелѣе
 Прерывистые голоса,
 Мы цѣловались въ аллеѣ,
 Убравъ сиренью волоса.
 Съ улыбкою лукавой феи
 Глядѣла молча въ небеса,
 Сковала цѣпью въ полчаса,
 Что бурной вольности милѣе,
 И убѣжала по аллеѣ.

3.

Я помню тяжесть первой ссоры,
 Съ упрекомъ брошенное «Вы»,
 Коверъ намокнувшей листвы,
 Въ туманѣ августовскомъ горы,
 Небесъ слинявіиіе просторы,
 Взамѣнъ горячей синевы.
 Я помню тяжесть первой ссоры,
 Съ упрекомъ брошенное «Вы».
 О, дни, минушіе такъ скоро!
 Боязнъ сосѣдокъ и молвы
 И ложе ласковой травы
 Въ тѣни у ветхаго забора.
 Я помню тяжесть первой ссоры.

4.

Я раскрываю свой дневникъ,
 Читаю блеклыя страницы,
 Тѣней проходятъ вереницы
 И повторяютъ милый ликъ
 Цитаты изъ ученыхъ книгъ
 И были—словно небылицы.
 Я раскрываю свой дневникъ,
 Читаю блеклыя страницы.
 И мнится—я сѣдой старикъ
 Уже въ предчувствіи гробницы
 Съ мерцаньемъ трепетной денницы
 Опять мечтаю къ Вамъ приникъ.
 Я раскрываю свой дневникъ,

III.

ВЪ МЕБЛИРОВАННЫХЪ КОМНАТАХЪ.

Все такъ же, все такъ же, какъ было—открытки и бабушкинъ пледъ;
Ряды статуэтокъ японскихъ—въ несчастной любви амулетъ.
Часовъ коридорныхъ я слышу тяжелый размѣренный бой
И такъ же считаю тревожно, какъ раньше считали съ тобой.
Двѣнадцать. На улицѣ холодъ—метель и не видно ни зги.
Ну, что же? Довольно работать... На лѣстницѣ чьи-то шаги.
Въ сосѣдную дверь постучались. «Войдите!» И шелкнулъ замокъ.
Какъ скучно! И ширится въ горлѣ противный и скользкій комокъ.
Ужели заплачу? Не стыдно ль? Внизу заиграли матчишъ.
Вотъ карточка... Конечно, значить? Не любишь, не пиешь, молчишь?
Матчишъ оборвался и стихнулъ. Упорно трещить телефонъ.
Швейцаръ вызываетъ сосѣдку... Какой надоѣдливый звонъ!
Стаканъ съ молокомъ недопитымъ вчерашней газетой накрылъ.
Кухмистерскій ужинъ не тронуть—и жиръ на котлетѣ застылъ.
Съ небрежно разрѣзанной книгой ложусь въ сапогахъ на кровать;
Сегодня и завтра и послѣ—мнѣ некого... некого ждать!

IV.

Бѣлый снѣгъ замечаетъ пути.
 Никуда одному не пройти.
 Свѣтъ погаснулъ въ родимомъ дому;
 Не пройти никуда одному.
 Годъ за годомъ плетутся года,
 Одному не пройти никуда.

Тихо падаетъ медленный снѣгъ...
 Въ полумглѣ гдѣ найду свой ночлегъ?
 Какъ забыть, какъ избыть мнѣ бѣду,
 Свой ночлегъ въ полумглѣ гдѣ найду...
 Какъ пустынно на скудной землѣ!
 Гдѣ найду свой ночлегъ въ полумглѣ?

Вечера коротаютъ вдвоемъ
 Гдѣ-то тутъ, за стѣной, за окномъ.
 Добрый другъ посылаетъ за мной
 За окномъ, гдѣ-то тутъ, за стѣной,
 Но меня никогда не найдутъ
 За стѣной, за окномъ, гдѣ-то тутъ.

V.

П И С Ь М О.

1.

Люблю размѣръ, немногимъ милый,
 Въ немъ рѣчь течетъ едва-едва
 И вдругъ блеснуть внезапной силой
 Среброчеканныя слова.
 Послушай, ямбъ четырестопный,
 Ты—мой товарищъ расторопный,
 Авось съ тобою какъ-нибудь
 И мы къ Парнасу сыщемъ путь.
 А, впрочемъ, рано намъ съ тобою
 Отважно лазить по горамъ,
 Гдѣ незабвеннымъ мастерамъ
 Царить означено судьбою.
 Недосягаемый примѣръ
 Старинный Пушкинскій размѣръ.

2.

Ему прилежно подражая,
 Я чту великій образецъ
 И вспоминаю свѣжесть мая,
 Любви сіяющій вѣнецъ,
 Когда—нетрудно догадаться—
 Мнѣ было только восемнадцать,
 А ей почти шестнадцать лѣтъ,
 Лукавой юности разсвѣтъ.
 Я помню старую усадьбу,
 Луга, гдѣ мы плели вѣнки
 И улыбались старики,
 Пророча праздники и свадьбу;
 Слегка дремали жаркимъ днемъ
 И оставляли насъ вдвоемъ.

3.

Кружится время хороzóдомъ
 Быстрѣй, чѣмъ въ мартѣ таютъ льды,
 И оставляетъ—годъ за годомъ—
 Неизгладимые слѣды.
 Мой прадѣдъ былъ старикъ гуманный,
 Онъ ждалъ реформъ, какъ божьей манны,
 Въ мечтахъ рисуя идеаль,
 Парней въ солдаты отдавалъ.
 А дѣду Невскій сталъ милѣе,
 Но послѣ суетной зимы
 Въ деревню уѣзжали мы.
 Я помню чинныя аллеи,
 Портреты предковъ, старый домъ,
 Крестьянамъ проданный потомъ.

4.

Въ молельной—древняя икона,
 Натертый воскомъ желтый полъ,
 У деревяннаго балкона
 Въ саду—накрытый чайный столъ.
 И осѣнявшія ступени
 Кусты задумчивой сирени
 И обмелѣвшая рѣка
 Въ зеленой чащѣ ивняка.
 По праздникамъ въ двухсвѣтномъ залѣ
 Провинціальныя пиры,
 Въ лѣсу высокіе костры,
 И беззаботныя печали...
 Забытый дѣдовскій укладъ,—
 Какъ будто вырубленный садъ.

5.

Для жирныхъ яствъ и мирной лѣни
 Покинувъ невскій шумъ и звонъ,
 Въ пріютъ сельскихъ вдохновеній
 Я былъ вполне вознагражденъ.
 Она была... одна минута...
 Сказать, какого института?
 Ну, нѣтъ... А то бы по сердцамъ
 Какъ разъ ударилъ классныхъ дамъ.
 Молчали мы... Напрасны рѣчи,
 Вопросъ, отвѣтъ, опять вопросъ,
 Коль прядь каштановыхъ волосъ
 Небрежно падаетъ на плечи.
 И я завелъ себѣ дневникъ,
 Чтобы запомнить каждый мигъ.

6.

Улыбки, бѣглыя пожатья,
 Подъ утро встрѣчи у пруда
 И трескъ барежеваго платья
 И быстрый шопотъ «навсегда».
 Но вотъ—пересказать смогу ли?—
 Мой отпускъ кончился въ іюль,
 Ея отецъ, упрямъ и крутъ,
 Повезъ обратно въ институтъ.
 Сантиментальнаго романа
 На томъ и кончилась игра,
 Его забыть бы мнѣ пора,
 Но что жъ подѣлать... такъ... не рана,
 А просто глупая печаль:
 Мнѣ свѣжей молодости жаль.

Немного гибкаго умѣнья,
Немного вдумчивыхъ минутъ,
И я—обычный данникъ лѣни—
Закончилъ свой недолгій трудъ.
Моя окончена дорога,
Я у послѣдняго порога,
Все это было, но давно
Годовъ потокомъ сметено.
А все же вечеромъ въ апрѣлѣ
Я вспоминаю до сихъ поръ
Въ густомъ малинникѣ заборъ,
Въ кустахъ разлиvistыхъ трели,
Зарю осіянный часъ
И—что грѣха таить?—и Васъ...

Содержаніе.

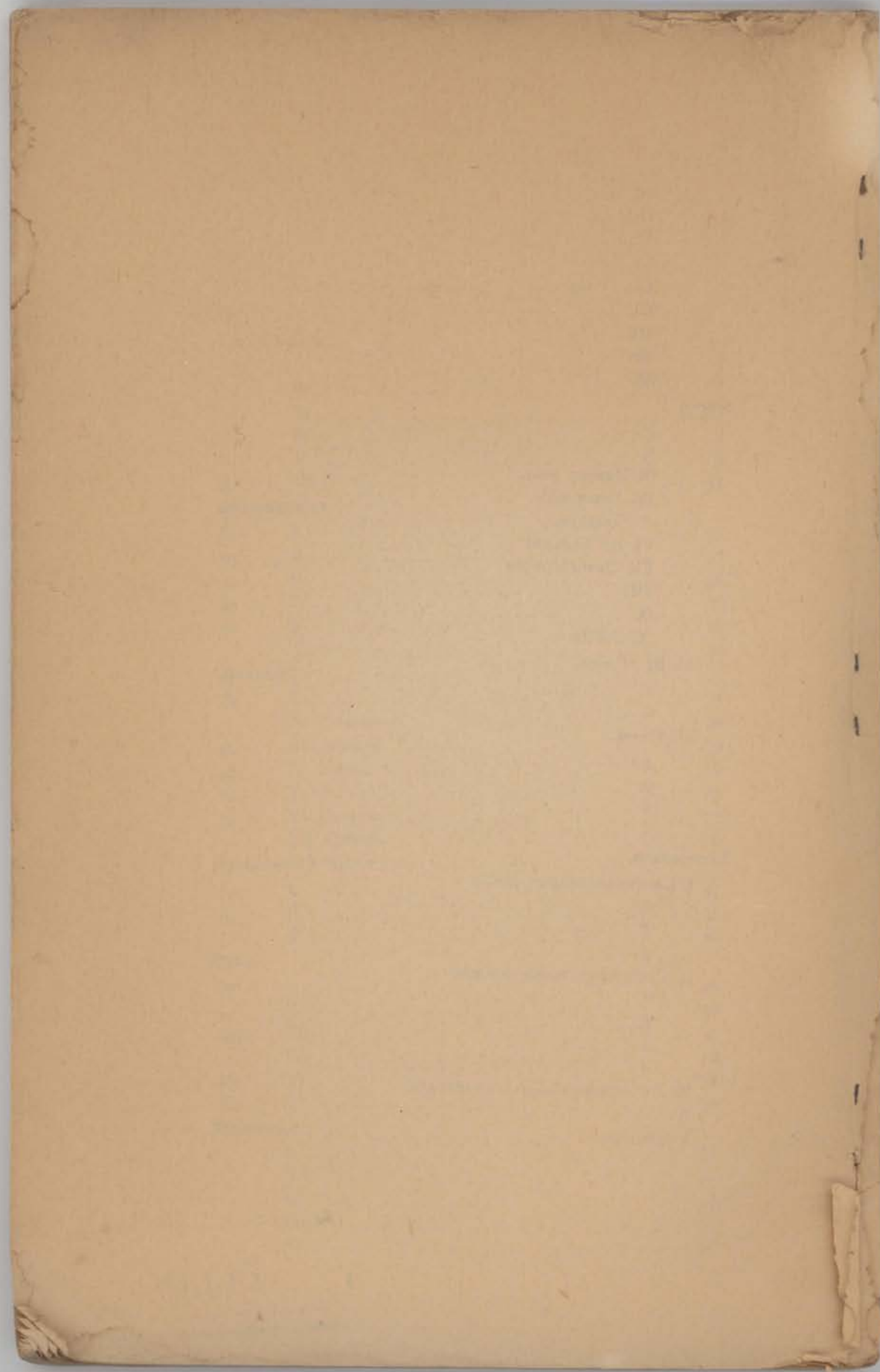
СОДЕРЖАНІЕ.

Узкія Врата.	Стр.
I.	5
II.	6
III.	7
IV.	8
V.	9
VI.	11
Возвращеніе.	
I.	15
II.	17
III.	18
IV.	19
V.	20
VI.	22
Ожиданіе.	
I.	27
II. Петербургъ	28
III. Деревня.	29
IV. Евреи.	30
V. Финляндія.	31
VI. Польша.	32
VII. Сибирь.	33
Деревянный Крестъ.	
I.	37
II.	38
III.	40
Русь.	
I.	49
II.	50
III.	51
IV.	53
V.	54
VI.	56
Драконъ.	
I.	61
II.	—
III.	62
IV.	—
V.	63

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

46668

VI.	63
VII.	64
VIII.	—
IX.	65
X.	—
XI.	66
XII.	—
XIII.	67
XIV.	—
XV.	68
Sibirica.	
I.	71
II.	73
III. Зимняя ночь.	75
IV. Замерзание.	76
V. Ольхонъ	78
VI. На Байкалѣ	79
VII. Заячья охота	80
VIII.	81
IX.	82
X. Заклятье.	83
XI. Въ городѣ.	—
1.	86
2.	87
XII. Степь.	—
1.	88
2.	90
3.	91
4.	92
Sentimentalia.	
I. Сантиментальные рондо.	—
1.	97
2.	98
3.	—
II. Сантиментальныя рондели.	—
1.	99
2.	—
3.	100
4.	—
III. Въ меблированныхъ комнатахъ.	101
IV.	102
V. Письмо.	103



О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Стр. 55, стр. 5 Алыный.

» 56 » 5 неразгаданный.

» 88 » 22 заатъ.

Слѣдуетъ читать:

Алый.

неразгаданной.

закатъ.

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
AND
ZOOLOGY
OF THE
CITY OF LONDON
1871

